

10-го марта 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

7

7

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го березня 1928 р.
ПРАГА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. Юрий Гончаров: Стихи.
2. Борис Кундрюцков: Батяня.
3. Юрий Гончаров: Стихи.
4. А. Запольева: Стихи.
5. О. Олесь: Солом'яний Бичок.
6. Ф. Полк: Стихи.
7. Вадим Курганский: Огоньки.
8. Алексей Персидсков: Партизанам степнякам.
9. Любовь Самсонова: Стихи.
10. Расщепление нации.
11. Д-р С. Федоров: Психические факторы в образовании казачества.
12. О. Долинский: Государство и национальное самоопределение.
13. Мих. Минаев: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
14. Т. Стариков: Значение местности.
15. С. Л.: Памяти Т. Шевченка.
16. Международная жизнь.
17. Казачья эмиграция.
18. На Украине.
19. В Казачьих Землях.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

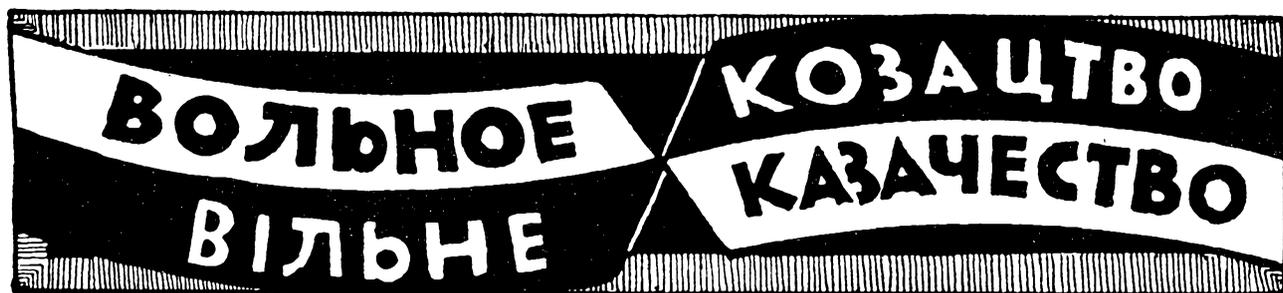
— Вільне Козацтво —

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р. 3 кр.	В Болгарии 10 лева
В Польше 0,75 зл.	Во Франции 2 фр. 50с.
В Югославии 5 дин.	В других странах 15 ам. ц.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Zižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 7.

Прага, суббота 10-го марта 1928 г.

№ 7.

Юрий Гончаров.
(Брно).

* * *
По степям — напев унылый
Да набатов звон...
За родимые могилы
Стань, мятежный Дон!
Эй! В степях огни мелькнули..
Шашки вновь звенят.
Запоют лихие пули...
Враг слетит с коня...
И, патрон влагая новый
В дымовом кругу,
Позавидую сурово
Павшему врагу.
Если-ж пулю в час безликий
Сам себе сыщу,
Умирая в Поле Диком —
Всем и все прощу...

15/XII-927

* * *

Меня мамушка в люльке не баюкала,
Из Святого угла Спас в лицо не взглянул.
Волчьим голосом небо выло, гукало,
Стужный ветер мне руки карежил да гнул.
Где родитель теперь мой — я не ведаю,
Коль сойдуся, — толковать с ним придется, —
о чем?
Может-быть, обнимусь с ним за беседою,
Может — шашкой стальной стебану чрез плечо.
Или сам он — с чужими да с погаными,
Там, где ветер в степях под травой шелохтит,
Где земля цветет древними курганами,
Злою пулей сыночка на смерть угостит...
И-и!.. О том-ли тужить мне, окаянному?
Положусь на ночлег над рекой у костра.
Вы, туманики, клубитесь над полянами.
Крепкий сон мой стерегите до утра.

10/II-1928.

Борис Кундрюцков.
(Загреб)

Б а т я н я .

Алым заревом, зажигая небо, пылала станица. Далеко в темное небо, алыми лучами, черным дымом кричали белые курени о людской злобе. А небо... Черное, спокойное с белыми холодными звездами, раскинулось молчаливо и равнодушно. До людской ли беды, до человеческого ли горя ему? Века идут и в их безудержном бег гибнет одно, нарождается другое, радость сменяет горе, горе сменяет радость. Смех и слезы, слезы и смех. Оттого-то нет у звезд даже любопытства. Мигают себе, будто говорят друг другу: — эка невидаль, кто-то дерется, кто-то побеждает и кто-то побежденный уходит в даль задумчивой сонной степи. Так просто, в неприглядную, незнакомую сторону от родного гнезда. А гнездо, разоренное, может уже сгорело, осветив звездное небо трепещущим разноцветным заревом, может уже обгорелым столбом стоит дымовая труба, закоптелым пальцем уколовшись в небо.

Тихо в степи. Жуткий вой голодного пса за станицей да редкие выстрелы, как хлопушки. Кто стреляет — неизвестно, и отчего стреляют — тоже.

В эту тихую летнюю ночь, испуганную красным полымем, уходил верхом казак. Фыркая в темноте и косясь по сторонам, тревожно перебирала лошадь ноги, и в седле, устало опустив голову, сидел всадник. Будто спал. Легла борода белым веером на широкую грудь, смешались с нею усы с подусниками, опустились веки, и руки на луке, бессильные, со странно сведенными пальцами, не держат закрученную уздечку. И спит и не спит всадник. Кусок тряпки с пятном кровавым прилип к загорелому морщинистому лбу — наспех перевязанная рана. Рана, которая почти нечувствительна, рана, о которой всадник почти забывает, если бы не толчки неровные коня, от которых ноющая боль гонит путающиеся мысли.

Тогда она напоминает о себе. Кто его ранил? А шут его знает. Может быть, красный какой, а может быть сын.

Лицо сына Игнат Герасимович так и представляет себе: озаренное багровым заревом, с черными злыми глазами, со сжатыми губами, с белым лбом, на который свалился завитой чуб.

Так и представляет себе, как выскочил он из-за угла со злорадным гиком, покрутил в воздухе шашкой, будто в небе поковырял, и исчез в конце улицы... Вылетел за ним Игнат, в догон...

— Куды, предатель?.. Супроти отцов!..

Погнался по станице. Пальба всюду. К нему навстречу четыре конных, не разглядел кто. Один с наганом... Выстрелил... Теплая кровь залила глаза, как вода все равно... Завернул коня в степь... Бежит кровь — не остановишь. Оторвал тряпки кусок, из сум достал, замотал голову и все повторял, уж не понимая:

— Куды, предатель?.. Супротив отцов!..

Пришли времена последние. Ухватились люди правду искать, на земле искать. А есть ли она на земле?.. Уж не в белых ли курнях спряталась, что запалили их со всех четырех концов, уж не в голове ли старого казака, что пулей ее достать хотели, уж не в покое ли степной, утонувшей в садах, станицы?

Смеялась склоненная старая, седая голова:

— Хе-хе-хе.

В темную степь смеялась.

— Нет правды. Не найти. Свою потеряли, а чужая правда, ровно бельмо на глазу. Мы то ее в степи схоронили, зря што ли у нас курганов столько. понасыпано. Молчат они, знают, что им доверено. А то — вынь да положь.

— Хе, хе, хе. Я его поил, кормил, я его можно сказать... — зашептал старик, забурчал что-то.

Конь острит уши, вздрагивал, прядя ногами, и стал, почуввав зятанутый повод, подался вперед.

— Стал...

Стал прислушиваться, топот послышался, нагоняет будто кто. И хотел бы разглядеть Игнат — темь такая, хоть глаза выколи.

Повернулся в седле и стал смотреть через левое плечо, через правое нельзя было — тряпка мешала. Едет кто-то, один. Слышится неровная дробь рыси. С'ехал старик с дороги, повернул коня мордой к станице, увидел растущий на алом зареве силуэт. Папаху, худошавый стан, кучерявый чуб, упертые в стремя ноги в шароварах — знакомы они казаку. Ух, как знакомы! Плоть от плоти, кость от кости...

Васютка его. Васютка, которому он вихры драл да копейки на пряники даривал. Его Васютка, что поцаном камыши с крыш дергал да с наконечниками из стылой, в мусоленных ладонях укатанной смолы, в виде стрел в эти вот самые дымные черные небеса запузыривал. И представил себе старик, как шел он из церкви на Троицу вместе с Васюткой своим. Давно это

было... А Васютке из-за плетня Санька Болдырев язык показал. Только и видел он Василия, забыл тот и про рубаху чистую и про шаровары с лампасами. Стрелой к плетню, через него, да за Санькой, а Санька за летнюю кухню. Не тут-то было. Санька на погреб — Васютка за ним. А под погребом кадка с водой стояла, досками покрытая. Болдырев на нее и в сад, Васютка сиганул, да в воду — в новой рубахе, в штанах... Вылез, от злости плачет, водой истекает, то-то над ним Игнат-отец смеялся.

— Ну и гусь лапчатый!

Представилась картинка... А теперь вот, может, в догон за отцом выехал, может отца поймать захотел. Поравнялся всадник, и страшный выдвинулся вперед отец, поймал за уздечку коня. Поймал, да и загворил.

— Поджидал я тебя, Васютка. Куда путь молодецкий держишь?

Шатнулся в седле Василий, сидит ни жив, ни мертв.

— Хронтовиков што-ль собирать собралси?

Говорил спокойно, власть чувствовал над сыном, отцовскую власть.

— Чего ж молчишь? Ай угадал?.. Што ж ты думаешь, я на тебя суда не найду?

Поднял нагайку, ударил по лицу, по плечу ударил, да так, что дернулся Васютка, но смолчал. Коня знакомые, друг друга обнюхивали, и Василия кобылка от радости голову подняла и заржала.

Тонко так, с переливами: ггги-ги-ггги.

Вздрыгнул старик, как проснулся, узнал ржанье кобыленки, сыну он ее подарил, когда тот против германца шел. Две слезы тяжелые, горькие-горькие навернулись. Тронул коня, уронил голову.

Смеялась склоненная старая, седая, заклеенная тряпкой голова:

— Хе, хе, хе.

И Васютка за ним поехал...

— Я, батяня, от них убер. Они, батяня, у церковь вошли, в иконы палить зачали.

Ехал сзади.

— Одну казачку...

Качал Игнат головой.

— Верно, Васютка, верно... Курени еще жгли... Ну, а ты поезжай обратно. Иде ты был, когда станицу зажгли?.. Куреня жалко не было?

Над Доном надругательство допустил... Не хочу тебя боле.

Повернулся к сыну:

— Нету тебе моего прощения.

Стегнул плетью коня, поскакал в степь, а Васютка, отстав, долго слушал, как затихал топот... Крикнул:

— Батяня!..

Замолчал, прислушиваясь к своему зову, тряхнул кучерявым чубом, слез, сел у дороги и застыл так, напряженно смотря в темноту. Сзади, догорая, светила станица, да кобыла, опустив голову со с'ехавшим поводом, щипала придорожную, пыльную траву.

Юрий Гончаров.

Месяц, месяц серпорогий...

Окоём всё уже.

Снег изгладил все дороги.

Над рекою — стужа.

Над пустыней снеговой

Звезд дрожащих брызги.

В целом мире — никого!

Прорубь лед прогрызла.

Острый иней мечет иглы мне в башлык,

От людей между людей я — приотвык.

К черной проруби ползет глухая муть,

Вот: туда-б мне мою милую столкнуть!

За огни в ее изменчивых зрачках,

За огни, что — для меня и — для других,

За тоску, что принесла издалека

И, смеясь, мне подарила в скорбный миг...

А. Запольева (Мор. Třebová).

Монастырская стена.

Вьюга. Снег.

У рыбацкого окна

Торопливый чей-то след.

Слово нежное. Об'ятья.

Торопливый поцелуй.

Торопливые заклатья —

И прощанье на ходу...

Крестик маленький... Молитва.

Четки черные монашки.

Буря жизни хитрая

И страстей — золотая чаша.

А потом... сплелись, как сон:

Крестик... снег, свидания у скал...

Только в сердце нудный стон

Шепчет: „Крестик-то — продал?..“

О. Олесь,

Солом'яний Бичок.

Казка в 1 картині.

Село. Вулиця. Стара хата Діда та Баби. Садок. Дід та Баба виходять з хати і сідають на призьбі.

- Баба. Все хліб, та вода...
Ой, біда, ой, біда!
- Дід. Мовчи, бабо, сиди тихо...
- Баба. Ой, лихо, лихо, лихо!..
- Дід. Мовчи, бабо, сиди тихо...
- Баба. Люди їдять книші, сало,
Та й то кажуть, що їм мало!
А в нас що дня... хліб та вода...
Ой, біда, ой, біда...
- Дід. Мовчи, бабо, сиди тихо...
- Баба. Ой, лихо, лихо, лихо!..
- Дід. Колиб було поле в мене,
Та широке, та зелене,
Став би я десь на горбочку
Під грушкою, в холодочку
І до місяця ясного
Все б стояв, дививсь на його.
- Баба. Щоб я мала шмат земельки,
Посіяла б конопельки,
А в зімі б за прялку сіла,
Щоб була сорочка біла.
- Дід. Коли б був кінь у нас, —
Я б весь день його пас.
- Баба. Ех, корівоньку б нам
Та з маленьким телям!
Молочко б я доїла,
Сир та масло робила.
Ти б на покуті сів
Та варенички їв.
- Дід. В мене в грудях пече,
В мене слина тече...
Я б наївся до сходу,
Я... вареників хочу!
- Баба. Все хліб та вода...
Ой, біда, ой, біда!
- Дід. Я б наївся до сходу,
Я вареників хочу.
- Баба. Мовчи, діду, сиди тихо.
- Дід. Ой, лихо, лихо, лихо!
- Баба. Я б напивсь молочка...
- Баба. Хоч би мати бичка,
Хоч малого, хоч худого...
- Дід. Що за користь від його?
- Баба. Я вже знаю сама.
- Дід. Що ж, — нема, той нема...
От би глечик молочка!..
- Баба. Роби, діду, бичка.
- Дід. Та на що тобі він здався, —
Що б з нас кожний насміхався?..
- Баба. Хай... для глуму, для потіхи —
Наскуби соломи з стріхи
І скрути бичка із неї
Для розрадоньки моєї.
Будуть люде йти орати
Будуть думати — гадати,
Що і в нас є бичок
Сірячок, третячок.
- Дід. Може й справді! шой казати, —
Будуть люде йти, — гадати:
Ач, візьми його хороба,
Та у діда є худоба,
Та який ще бичок! —
Сірячок — третячок.
Хай для глуму, для потіхи
Наскубу соломи з стріхи...
А солома щоб трималась
По лугах не роспипалась, —
Є смоли мазниця повна.
- Та зла доля не судила,
Все трімав її для човна,
Щоб на човні ти свділа.
- Баба. Почекаймо ліпших літ,
Буде все колись, як слід.
- (Дід смикає зі стріхи соломку, сідає збоку і лаштує з соломи бичка. Баба несе мотузки і кидає Дідові).
- Баба. В ноги палиці встав,
Щоб на землю не впав.
- Лірник (підходячи, спиняється і грає на лірі).
Ой, всі люде рівно на світ родяться,
Та не всім рівно на сім світі водиться.
Одні люде у роскошах купаються,
А другії та гиркими умиваються.
В одних землі — оком не обнятоньки,
А у других — ніде поховатоньки...
Ох, і де ж ти, правдонько, дівалася,
В які ліси, в які пуші ти сховалася.
- (Вклоняючись). Подайте милостиню, добрі люде,
Вам на тім світі, а міні на сім легше буде.
- Дід. Правду лірник каже!
Хай таке, хоч, зваже:
У сусіди і земелька,
І лісочку добра жменька,
І садочок з вишеньками,
І ставочок з караськами,
І коровка і телятко,
І свиночка й поросятка.
А у мене, подивися,
(Аби сьози не лилися) —
Хата на-бік похилилась,
І комора завалилась;
Ні городу, ні садочка,
І на двох одна сорочка.
- Баба. Годі, діду, сльози лити,
Раз почав, — кінчай робити.
В'яжи бичка мотузком,
Жени пастись батіжком,
Щоб був ситий та гладенький,
На ярмарок готовенький.
- Лірник. Люде добрі! Чи нема в вас шматка сала,
Бо душа за три дні зовсім охляла;
Годувалась вітром, напузалась росою,
А вкривалась дощем під вербою.
- Дід. От — таке! Згадали сало!
Аж під серцем загурчало!
Та нема його і духу!..
Їмо, діду, ми макуху,
В свято — висівки, цибулю,
А у буддень — з маком дулю.
- Лірник. Невеселі речі чую, —
Може я вас нагодую:
Є у мене шмат черствого,
Та ще й добра сіль до його.
- (Сідає на землю і розв'язує торбу).
- Баба. Ох, які ж ви, діду, милі, —
Ми б весь вік із вами їли!
- Дід. Коли б зуби, — було б смашно,
Та згубив їх необашно.
- Баба. Бач, роззявив тільки рота, —
Вже й робити не охота...
- Дід. Та бичок уже готовий, —
Аби був живий, здоровий!
- Лірник. От і торба спорожнилась.

Баба. Ні, — ось крихта ще лишилась.
Лірник *(встаючи)*. Треба йти вже, — прощайте!
Баба. А ви нас не забувайте,
Та загляньте колись в хату —
Чим багату, тим і раду.
Лірник. Як в торбинці де-що буде, —
Завітаю, добрі люди!

(Пішов).

Дід. Пообідав... тягне спати...
Баба. Не пушу, старий, до хати, —
Мушиш ти бичка скінчити,
Щоб було нам з чого жити.
Дід. Обсмолити — це не штука...
Глянь — но, ледве не замука!

(Пішов).

Баба. Так неси ж мерщій мазницю!
— Зараз, зараз, любий бицю,
Зараз висмикну лозину, —
Пожену в садок тварину.

(Пішла).

Бичок. Му, му, му-у!
Дід. *(з смолою)*. Бач, не терпиться йому
(обсмолює бичка).

Баба. *(З лозиною)*. Ну, дідусю пасти гнати,
Тут близьенько біля хати.
Став бичка мерщій на ноги,
Налигай, як слід, за роги.
Дід. Та про се вже не журись, —
Вмів налигувать колись.

(Дід ставить бичка на ноги, налигує, тягне вперед до себе. Баба підганяє лозиною).

Баба. Гей, бичочку, гей, бичочку,
Гей, на пашу до садочку...
Гей, бичок,
Третячок!

(Бичок стоїть)
(Павза).

Бичку, бичку,
На травичку,
На мнякеньку,
На смашненьку!

(Бичок ні з місця).

Дід. Діду, він не хоче йти!
Хвоста, хвоста покрути!

(Баба береться за хвіст, бичок подається вперед).

Баба. Прив'яжи його до тину.
Дід. Напоїти б слід тварину.
Баба. Ну, пасись, не лізь у шкоду,
А ми підем в гай по воду.

(Беруть відра і йдуть по воду. Вибігає зайчик).

Зайчик. Гей бичок,
Третячок,
Із соломи в'язаний
Смолою обмазаний, —
Як від вовка я тікав,
Собі вушко розірвав.
Ой, серденько — душко,
Зліпи мені вушко,
Склей його смолою,
Чорною, густою.
Бачиш, як я плачу, —
І світа не бачу,
Бо вушка оздоба
Всього мого лоба.
Зглянься ж надо мною,
Заліпи смолою,
Слізоньки утри.

Бичок. Та бери!
(Зайчик стає на задні лапки и прилипає ними і зубами до Бичка. Трохи пручається і кам'яніє).

Лисичка. Здоров будь,
Мій бичок,
Сірячок!
Чи ти чув
Про мою пригоду,
Нечувану зроду? —
Вчора у лісочку
Я вгледіла квочку, —
З курчатками ходе,
Цокотить, виводе.
Пісня така мила!
Я за куш і сіла,
Щоб навчитись пісні.
Коли щось як трісне!
Зирк! — аж хорт страшений,
Гар — гар та на мене,
Та за бік мене
Як гамане!
За що? — я питаю,
А сама тікаю.
Вибігла на гору
Та в нору!
Скликала громаду...
Дали мені раду
Тебе привітати,
Смоли попрохати.
Дякую згори!

Бичок. Та бери!
(Лисичка, як і зайчик, прилипає до бичка).

Вовк. Здоров був!
Чи ти чув,
Що я вчора заблудився
І в кошарі опинився?
Що робить, куди тікати?!
Я й звернувся до ягняти,
Щоб дорогу показало
(А бодай воно пропало!)
І прийшла ж йому охота
Мені вскочить просто в рота!
От я й лізу через тин,
А під тином селянин!
От — така оглобля в його.
Що ж дарма... але на кого?!
В одну мить на ноги вставши,
Ні словечка не сказавши,
Що й до чого, не спитавши,
Лусь! мене по ребрах здуру, —
Ну і збив на боці шкуру.
Битись з дурнем не пристало,
(Чи на світі дурнів мало!)
Не схотів я й розмовляти
І подався собі до хати...
Треба б дірку залатати, —
Так смоли мені здери.

Бичок. Та бери!
(З вовком робиться те саме, що і з попередніми).

Ведмідь. Лихо, лихо! Загнав в лапку
От — таку, страшенну скабку;
Ні побігти, ні полізти,
Неможливо навіть сісти.
Вийняв скабку — кров тече,
Рану як огнем пече.
Дай смоли і я до суду
Тобі дякувати буду!
Принесу тобі з лісочку
І сунічок і медочку
Для розваги, та для гри
Щей колоду.

Бичок. Та бери!
(Ведмідь прилипає, борсається)...

Лисичка. Кепська справа,
Вовче — друже!
Вовк. Кепська, кепська,
Кепська дуже.
Зайчик. Ох, і лихо ж...
Коли б знати...
Ведмідь. Було б скабки
Не виймати.
Вовк. Що ж це буде?
Ведмідь. Що ж це буде?
Лисичка. Прийдуть люде!
Зайчик. Прийдуть люде!
Всі. Бицю, Бицю,
Дай нам волю
Погуляти
Ще по полю.
Бичок. Та бери.
Всі. Оддери!
Лисичка. Тебе візьмем
Ми, бичочку,
Будеш жити
Ти в лісочку.
Мнягше шовку
Там травичка,
Наче срібло
Там водичка.
Будеш пастись,
Похожати,
В холодочку
В спеку спати.

(Дід та Баба з водою).

Дід. Подивися! От не ждалось,
Що з бичочком нашим сталося!
Баба. Що ж! Бувають різні штуки:
Обліпили бичка мухи.
Дід. Та які там в дідька мухи, —
Це щось краще від макухи:
Заяць, лис, ведмідь і вовк.
Баба. Це їх наш бичок потовк!
Буде в нас
Усе враз:
І м'ясце,
І сальце,
І печене,
І варсне
І вужена шинка.
Дід. В мене буде кожух.
Баба. В мене кожущинка.
Дід. В мене буде капелюх,
Теплі рукавиці.
Баба. Хоч пускайся у танець, —
В мене буде комірець
З жовтої лисиці.

(Танцює).

Ниж, дідусю, бери
Та на зайчика гостри.

(Дід гострить ножа).

Зайчик. Ой не ріжте мене,
Ой не їжте мене:
Стану я в пригоді
Всій вашій господі.
Красно квітуть квіти,
Красно сонце світе,
Та найкраще — воля
Серед степу — поля!
І за неї вам
Я усього дам:
Моркви, бараболі,
Бобу і квасолі
Баба. (Мрійно) Моркви, бараболі,
Бобу і квасолі.
Дід. Що ж ми маємо робити,
Як гадаєш ти?
Баба. Пустити.

(Дід пускає зайчика. Зайчик зникає).

Лисица. Ой, дідусю, ой, бабусю,
Я й казати вам боюся,
Може ви не чули зроду
Про мою ясну господу:
В мене лави дубові,
А столи ясеніві,
Ліжко з чистої кедрини,
А на ліжку три перини,
Бо у мене гуси білі
Вкрили луки на три милі,
А коли на став сідають
Мов купави розцвітають.
Коли хочете бабусю,
Я вам радо прислужуся:
Вкрию гусьми все подвірє,
Щоб в зімі ви драли піре.
Баба. Вкриє гусьми все подвірє,
Щоб в зімі я драла піре...
Дід. Що ж ми маємо робити?
Як гадаєш ти?
Баба. Пустити.

(Дід пускає лисицю).

Вовк. Ех, не шкода мені вмерти,
Та хто буде вівці жерти?
Із кошари виганяти,
У степу їх попасати!
Все від голоду загине:
Вівці, кози, ситі свині,
І ягнята і телята, —
Така доля вже проклята!
От — так инший з сили рветься,
Наче риба об лід б'ється,
А для чого тратив силу? —
Йшов і нагло бух в могилу...
Доробився до худоби! —
Звісно має той, хто робе...
Може б... вам оці ягнята,
Вівці, свині, поросята
В господарстві придалися?..
Тут п'ять кроків до вузлісся,
Я б побіг і всю отару
Вам пригнав, як вітер хмару...
Баба. Побіжить і всю отару
Прижене, як вітер хмару.
Дід. Що ж ми маємо робити?
Як гадаєш ти?
Баба. Пустити.

(Дід пускає вовка).

Ведмідь. Я, сказати б, не багатий,
А все шкода умірати.
Жаль на серцю невимовний.
Маю меду вулик повний,
Все беріг на дні майбутні.
От тепер і смійсь на кутні.
Як би я радів, втішався,
Коли б вулик вам придався,
А то пчоли проклятуці
Ростягають мед по пущі.
Вчора, щоб вони пропали,
Цілу миску меду вкрали.
Баба. Вчора, щоб вони пропали,
Цілу миску меду вкрали.
Дід. Що ж ми маємо робити?
Як гадаєш ти?
Баба. Пустити.

(Ведмідь тікає. Підходять парубки,
дівчата, дядьки).

Парубки. По селу чутки лунають,
Люде ходять та питають,
Чи не чули щось нового
Про бичечка, чарівного?
Кажуть люде, що бичок.
Ловить звіря на гачок,
Що тепер ви вже багаті,
Що всього в вас повно в хаті:
Срібла відра та діжки,
В сінях золота мішки,

А в коморі повні скрині
Сорочок, спідниць, тканини;
Що в вас коні табунами
Ходять луками, степами,
А корів, овець отари
Геть розвалюють кошари...
Де бичка, скажіть придбати,
Щоб були і ми багаті?!
Дід. Та його ми для потіхи
Добули з цієї стріхи.
Парубки. Та іам діду, не до сміху!..
Дід. Так спитайте саму стріху.
Парубки. Де ж корови, вівці ваші?
Дід. Зараз всі вони на паши.
Почекайте — приженуть.
Тихше — гомін уже чуть.
Всі. Тихше — гомін уже чуть.
Дівчата. Гляньте, гляньте, вже женуть.
Парубки. Шлях їм курява вкриває.
Дівчата. Чуть — вівчарь на дудку грає...
Дівчата. Що там робиться, бабусю? —
Сніг летить, чи білі гуси?!
Парубки. Знову топіт коней чуть.
Всі. Мед із пасіки несуть.
(Ведмідь приносить вулик меду).
Ведмід. Повірили наперед, —
Так маєте тепер мед.
Вовк. *(з вівцями).* Ледве з ними впоравсь, діду,
Хтів вже кликати сусіду.
(Вівці збиваються вкupu, мекають).
Зайчик *(з городиню).* Важко все було нести,
Та доніс! — Тепер пусти!
(Тикає).

Лисиця *(женучи гусей).* Гиля, гиля, білі гуси,
До дідуся, до бабусі.
(Гуси кидаються шо вправо, то вліво. Народ, мов зачарований, дивиться на те, що коїться. Лірник іде вулицею і, почувши гомін, спинається).
Лірник. Ой, всі люде рівно на світ родяться,
Та не всім рівно на сім світі водиться.
(Хор повторює).
Лірник. Одні люде у роскошах купаються,
А другії та гіркими умиваюкся.
(Хор).
Лірник. В одних землі оком не обнятоньки,
А у других — ніде поховатоньки.
(Хор).
Лірник. Ох, і де ж ти, правдонько, дівалася,
В які ліси, в які пущі заховалася?
(Хор).
Колись тебе розшукаємо,
Колись тебе роспитаємо,
Чого в лісі ти ховалася,
Як в нас сльози розливалися.
(Хор повторює).
ЗАВІСА.

18—I—1925.

Ф. Полк.
(Сербія).

* * *
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Выросла Русь — без конца и без края.
Сотни народов у трона царей,
Рабские головы низко склоняя,
Робко в покорности клялись своей...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Славу, богатство от моря до моря
Выковал кровью из года в год
В горьких слезах материнского горя
Русский солдатский народ.
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Ждал терпеливо заветную волю
Утром с зарею впрягаясь в шлею,
Тихо тянул по господскому полю
Тихую песню свою...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
К старым попам да к пьяным кабатчикам
Мыкался с горем из года в год

Вечный молчальник — народ неудачник,
Русский сермяжный народ...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Снова еще без конца и без края
Тот же веками исхоженный путь —
Буйную голову низко склоняя
Снова на мяккую грудь...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Снова и снова извечно покорный
Новым владыкам, как прежним царям,
Снова и снова взмутится задорно
Пьяный разгул октября...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Снова к попам да к пьяным кабатчикам,
Все как и прежде — из года в год...
Эх, ты, сермяжный народ — неудачник,
Русский солдатский народ!..
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...
Молча и четко: раз, два —
Сотни лет...

Вадим Курганский. (Белград).

ОГОНЬКИ.

(Из личных переживаний).

Вечерело...

Пронзительно - холодный ветер изредка набегал с моря, и глухо шумели, раскачиваясь в его ледяных порывах, густые ветви вечнозеленых кедров и стройных, как минареты Востока, тополей... Далеко внизу злобно рокотали тяжелые, иссиня-свинцовые волны недовольного моря.

Я сидел перед окном и смотрел... Смотрел не отрываясь, до боли в глазах, туда, где, далеко внизу, по темной, пенящейся поверхности глухо-урчащего моря плавно скользили огоньки. Один за другим отрывались они от тускло мерцающей немногими фонарями пристани, медленно, раскачиваясь на упругих волнах, ползли к выходу из бухты и терялись, словно таяли, в черной непроглядной дали...

И каждый раз что-то снова и снова, с мучительной острой болью, точно перетянутые струны, обрывалось в тоскливо сжимающемся сердце... Все больше пустота, зияющая, бездонная, заполняла душу... Ничего не оставалось в ней больше, все смято, все унесено куда-то, в тот же черный, бездонный провал, где один за другим исчезали огоньки, унося с собою все близкое и дорогое... Мрак, непроглядный, страшный, безпросветный, окутывал все существо и щемящая, ноющая тоска ледяными пальцами сжимала горло... Хотелось плакать, плакать без слез, кричать, ломать руки и посылать проклятия всем, кто в этот страшный миг мог оставаться спокойным и безучастным... Было холодно и нестерпимо, болезненно жутко!..

Пышно раскинувшись по склонам гор, спала Ялта... Нет, не спала, а затаилась, замерла как замирает кролик под страшным, гипнотизирующим взглядом удава!.. Ни одного огонька в окнах, ни голоса, ни звука, даже резвые крымские псы заползли в свои конуры и притаились...

Черный, давящий мрак навис над городом! И среди этого мрака, в этой непробудной, зловещей тишине еще яснее, еще резче и беспощаднее выступало сознание чего-то страшного, тяжелого, что нависло над всем окружающим, и одна из прелюдий чего разыгрывается там, далеко внизу, у полуосвещенной пристани..

Там толпятся, плечо к плечу, сотни людей, еще недавно, еще вчера, объединенных одной идеей, одним общим порывом, а теперь... тоже объединенных одной общей мыслью: „Успеем ли?.. Хватит ли места?“ Эта мысль — и на бледных изможденных лицах, и в взволнованных глазах, и в тревожных, звенящих голосах... Она витает над каждым, она заставляет судорожно стискивать зубы и двигаться туда, ближе к спасительным пароходам. И сплошная волна серых шинелей и гимнастеров вливается, вливается на утлые суденышки, заполняет трюмы, палубы, захлестывает, забивает каждую щель... Еще и еще, теснее — плечо к плечу!.. Спертый воздух, озлобленные лица, истерические выкрики женщин — теснее!.. Их много, их еще очень много... Накрываются и жалобно скрипят старые, отслужившие свой срок, суда, озабоченно покачивает головой капитан, не хватает и на половину пассажиров провизии, нет в трюмах угля — пусть!.. Смерть там — среди волн лучше, чем это страшное, нависшее в воздухе... Только бы уйти от него, скрыться от этого немолчаливого, грозного, кровавого, что надвигается с Севера!..

И идут, идут один за другим, по гнущимся доскам сходить, с винтовками в руках, с сумками через плечо, понурые, мрачные — воины!.. Вчера — свист пуль, грохот снарядов, холодные стволы винтовок в руках — лицом к лицу, грудь ко груди — навстречу смерти!.. А сегодня — холод, мгла, гибель всего, черный провал в душе и это нестерпимо страшное оттуда, с Севера!..

Я встал, задыхаясь!.. Не хватало воздуха, ледяные порывы ветра, казалось, проходят сквозь каменные стены здания, пронизывали насквозь и ледяники кровей. Было холодно и душно, в ушах звенело...

Длинный, мрачный коридор санатории был пуст... Только жирный санаторский кот бесшумно, как тень, скользил вдоль стен и изредка жалобно мяукал.

Через полуоткрытую дверь из палаты падает полоса света. Слышится бессвязный лепет — странные, непонятные слова.

„Праведники!.. Откройте!.. Это я!..“

Мечется в жесткой постели, в жару мальчик лет 16-ти... Это ведь тоже один из них, из тех, что толпятся там у пристани... Один из тех, чья судьба так схожа и неведома почти никому... Сначала — родительский дом, тепло, ласка, гимназия, первые увлечения, чернокосяя гимназистка, затем — вихрь революции, упоение великой идеей, мерзлые, сырые окопы, свист пуль, холод, голодания и — смерть!..

„Праведники!.. Откройте!..“

Тебе лучше, бедный страдалец, тебе легче, чем остальным, что лежат вокруг, прикованные к постелям, но в полном сознании!.. Ты не видишь тех картин, что рисуются в лихорадочном воображении их... Страшны и отвратительны эти картины в своей близости к действительности!.. — Топот ног в коридоре, грубые голоса, штыки, красные звезды на шапках, бешено несущийся грузовик, спертый воздух подвала, мрак физический и душевный, а затем — шесть стволов спереди, свежее-вырытая яма сзади, мрак от надвинутой на глаза повязки, последний вздох и... снова мрак, но уже непробудный!..

Вдали чернели силуэты каменных громад Крымских гор, едва заметно проступавших на темном, мрачном, мрачного неба... Там, где то на Севере, медленно и неуклонно двигался торжествующий враг... Из их каменных недр выступало, вытягивалось то тяжелое, страшное, давящее, что тяжелым камнем нависло над всем существом и ледянило душу... В лихорадочно возбужденном мозгу болезненным кошмаром вставал образ какого-то отвратительного, сказочного дракона, наползающего на горсть людей, толпящихся внизу у пристани и готового вот-вот поглотить их.

И от страшной мысли неизбежности совершающегося еще больше сжималось сердце, еще мучительнее хотелось кричать!.. Хотелось уйти куда-то далеко-далеко, в детское тридевятое царство, где не было бы ни красных, ни белых, ни этих бурлящих, пенящихся потоков крови, вздымающихся все выше и выше, грозящих смыть на своем пути все, что осталось еще нетронутого и чистого...

Я снова подошел к окну, выходящему на море... Медленно оторвался от пристани и пошел к выходу, плавно раскачиваясь на волнах, последний пароход... Все!.. Конечно!..

С громким щемящим звоном, точно перерезанная ножом, лопнула последняя струна прошлого, точно кипящим варом обдало сжавшийся комочек сердца, и все кругом вдруг завертелось в каком-то диком вихре и стремительно понеслось куда-то в бездну...

Совершилось!.. Все рухнуло, все погибло, все, что было все эти дни так близко, что казалось родным, во что вкладывалась вся душа, что казалось непрременным и обязательным... Ничего не осталось, все оборвалось, все замерло... Щемящая, давящая пустота на душе, лихорадочный стук в ушах и слезы тоски, злости и унижения, сжимающие горло...

Глухо шумел в ветвях деревьев ветер, дребезжали стекла в окнах, последний огонек исчезал вдали... Еще гуще, еще непрогляднее казался нависший над городом мрак, еще резче выступала в промежутках между порывами ветра звенящая, жуткая тишина.

И вдруг, где-то совсем близко, рядом, казалось, тут же за стенами санатории, гулками раскатами, разрывая тишину, грянул выстрел... За ним другой... третий...

Это торжествующие красные победители вступают в город... Они идут, их много, в тишине отчетливо отдаются тяжелые шаги, бряцают винтовки, звучат голоса... Они идут — голодные, оборванные, но бодрые и уверенные, смелые... Они горды, они смелы, они веселы, они — победители...

Алексей Персидсков.
(Брно).

ПАРТИЗАНАМ СТЕПНЯКАМ.

Враг теснит дружины боевые,
Стонет глухо омелевший Дон.
Грабят всюду хутора степные,
Всюду слышен погребальный звон.
Ночью темной зарево пожара
Светит полымем ночную мглу —
В эти дни Москва нас побеждала,
Панихиды пела по Тихом Дону.
В эти дни бросали вы станицы,
Жгли скорей оставшийся запас...
На восходе утренней зарницы
Пули свистом провожали вас...
Уходили в глубь степей безбрежных,
Утром пасмурным покинув дом,
По сугробам и заносам снежным
Под печально-погребальный звон.
Но несли с собой надежду в степи,
Веру в близость радостной поры —
И плотней смыкались ваши цепи,
Славы луч блестел из-за горы.
И, когда весною одиноко
Вы блуждали по глухим степям,
Кто-то властно крикнул издалека:
— Гей, Донцы — садитесь по коням!..
Это Дон мятежный всколыхнулся,
Снова сбросил ненавистный гнёт.
Буйной мстью сокол встрепенулся.
И пустился сизый — в новый лёт.
Это — звали вас степные боги
Отстоять седую старину,
Поочистить вольные дороги,
Извести крамолу на Дону.
Оттеснили вы врага за грани,
Солнцем ярким пронизали мрак —
А в Черкасске из туманной дали
Улыбался хитро каменный Ермак..

Любовь Самсонова.
(Прага).

* * *

Далекие родимые края,
Полузабытые, но горячо любимые,
Стремишься к вам, почти не зная вас,
И молишься на вас, гонимые!

Прозрачна синяя Донская глубина,
Простор и музыка степей,
Безмерность дальная лугов,
И ласка солнечных лучей!..

Теперь сквозь дымку скорбных слез,
Сквозь чад промчавшихся годов
Я вижу гладкие пески
Донских далеких берегов!

И мысли все летят домой,
Рисую ряд любимых лиц,
И горько никнет голова
На рой исписанных страниц.

* * *

Нельзя сказать, как любишь то,
Что с кровью матери дано;
Ни рассказать — ни написать, —
Но лишь в молитве прошептать:

О, Боже! Дай в последний раз,
Хотя в предсмертный тяжкий час
Увидеть синюю волну,
Испить прозрачную струю
Донской святой для нас воды,
Глаза под песни старины
Закрывать дай, Боже, в смерти час
Не на чужбине — а у нас!..

Расщепление нации.

Бывшая Российская империя не обладала органическим сцеплением частей своей территории и своих народов. Вот как характеризуется она в довоенной русской же политической литературе:

„Имперская граница имеет линии, рожденные случайностями побед и поражений. На западе она прошла по живому телу народов: литовцев, поляков, украинцев, молдаван; закавказская и сибирская границы дают ту же картину пограничных народностей, частью вошедших в состав Российской империи, частью остающихся под властью иных государств. Имперская территория представляет собою комплекс земель, центральное ядро которых принадлежит главенствующему племени великорусскому, причем тесным

кольцом вокруг ядра лежат окраины, большие и меньшие, родственные и враждебные, европейские и азиатские, одноплеменные и пестрые по своему составу, связанные с ядром и между собою фактом общеимперского подданства и лишь в незначительной степени общностью исторических судеб и завязавшегося в последние десятилетия еще слабого обще-экономического оборота“*).

Перепись 1897 года открыла в России свыше 100 народностей и среди них 20 таких, которые имели в своем составе свыше миллиона населения. Главенствующая народность — вели-

*) Формы национального движения в современных государствах. С.П.Б. 1910. Стр. 283.

коруссы — не составляли большинства в государстве Российском; их было всего 43,3%, считая великоруссами всех тех, кто говорил на русском языке, а это, как известно, признаки, далеко не совпадающие.

Таким образом, уже в XIX ст. Российская империя, великорусская по происхождению своему, перестала быть таковою по составу своего населения. А это, — как осторожно констатируется в цитированной выше статье— „факт, из которого нетрудно сделать самые многозначительные выводы“.

Выводы эти сделала сама жизнь, начиная с 1917 г. До этого года, худо-ли, хорошо-ли, — огромную империю держали в единстве хорошо организованные силы династии, войска, полиции и мощного бюрократического аппарата. Когда эти силы разложились, российские окраины, такие разнообразные, разошлись кто куда. Оставаться вместе с великороссами, как оказалось, можно было лишь по принуждению; собственные же интересы диктовали всем окраинам разрыв и отход от Московского ядра, жившего за счет окраин и не дававшего им возможности жить, мыслить, чувствовать и работать так, как они этого хотели.

И характерно, что этот отрыв обозначился и определился по точным линиям исторических границ великорусской национальной территории: с северо-запада на юго-восток, в грубых чертах — от Пскова до верховьев Дона.

Появление на исторической сцене большевиков, как нельзя более красочно, подтвердило тот исторический факт, что все области и народы, живущие на запад и юг от указанной линии, мало имели с Москвой общего, а теперь хотя бы и того меньше.

С большевизмом на великорусской территории почти не боролись, а если и боролись, то только немногие элементы, принадлежащие так или иначе к интеллигенции. Народ же принял там большевизм и его методы как свои, более чем охотно.

Вне исторической великорусской территории большевизм всюду пришел с боем, на солдатских штыках, встретивши органический отпор всего населения, отпор длительный, не прекратившийся и донныне, обозначенный кровью, геройством и страданиями.

Произошло это даже и там, где, казалось бы, общий язык говорил как будто и об единстве национальном. Большевизм и в этом случае оказался великолепным реактивом. Совершенно бесспорно — ибо практически и на глазах у всех — он доказал тот известный в науке факт, что общность языка ничего еще не говорит об общности социальных, общественных и политических интересов и идеалов. Ничего не говорит эта общность и об общности психологической, а, стало быть, и национальной. Это сразу же и

резко обозначилось в казачьих областях Юго-Востока, проявилось довольно отчетливо и на сибирских просторах.

Когда с исторической арены сошла династия — стержень всего российского государственного аппарата — распался и этот аппарат, распалась и сама империя. Одновременно обнаружилось и государственное расщепление российской нации, раскинувшейся на юг и восток далее, чем то позволяли ей жизненные силы ее. Отдельные ее части, базируясь на своих интересах и идеалах, вынуждены были самой жизнью заняться устройством своей территории, своего населения, своего государственного бытия.

Миф имперского единства, сила давления общего языка и общей внешней интеллектуальной культуры не помешали и Казачеству снова стать на свою историческую дорогу. Осторожно вначале, смелее потом пошли по ней широкие казачьи массы. „Пригребай к своему берегу“ — стало лозунгом стихии, ясно и отчетливо определившим требования создавшегося исторического момента. „Строгая“ идеология пришла позже, как это часто случается у народов на рубежах их истории и в начале новой жизни. И это лишь способствовало ее прочности. Она, ведь, не создает уже ничего нового, ничего теоретического; она только сводит к единству, ставит по своим местам определившиеся проявления стихии, проясняет и углубляет их, ищет практических путей их осуществления. И сверху и снизу, органически идет эта работа, реализуя отчетливо обозначившуюся волю истории.

Расщепление одной большой нации — явление не новое для человечества. Процесс этот пережит почти всеми большими европейскими нациями: немецкою, итальянскою, испанскою, французскою, английскою. Эта последняя может даже служить, так сказать, классическим образцом в этом деле. Некоторые ее части, как Северная Америка, достигли независимого существования лишь после многих лет вооруженной борьбы со своей метрополией, с применением „ориентации“ на чужие державы, с помощью французской „интервенции“ и т. д. Другие же, как Канада, Австралия, Новая Земля, — пришли к этому безболезненно, путем эволюционного развития, не встретивши со стороны центра каких либо заметных препятствий. Разница объясняется тем, что на примере Северной Америки Англия была уже обучена тому, как надо поступать в том случае, когда начинается такого рода процесс.

Но не пройдет, как кажется, этот процесс болезненно на востоке Европы, хотя это было бы всем нам очень желательно. Прошлое и старое, к сожалению, никогда не уступают без борьбы своего места новому и настоящему. Но остановить исторические процессы не дано никому. Ибо воля истории — это закон, его же не преjdeши.

Д-р С. Федоров.

Психические факторы в образовании казачества.

(Из цикла „Записки самостийника“).

Мы установили в казачестве наличие осознанной воли к совместному сосуществованию в едином социальном организме и готовность на жертвенность для сосуществования, определяемого современной наукой и европейскими понятиями как национальное.

Каким же образом возникает подобная воля и когда она начинает проявляться?

Зародыши ее в казачестве можно усматривать еще в весьма отдаленные времена.

Если даже не обращаться к историческим предкам казачества, заселявшим в древние времена широкие степи Черноморья и Подонья, а рассматривать казачество в развитии его общественной жизни со времени появления его под этим именем на историческом горизонте XV века, то и этого достаточно для ответа на поставленные вопросы.

События, происшедшие на казачьих территориях в конце средних веков (средними веками считается период от падения Рима до взятия Константинополя Турками), привели к страшному упадку древнерусской жизни на них и к одичанию удержавшегося там населения. Поэтому упоминаемый период может быть охарактеризован, как полудикарский, который носит также название варварского, именно в том значении, как его применяла еще в недалеком прошлом европейская наука в отношении воинственных племен, населяющих Северную Африку.

И действительно — казаки XV века живут небольшими группами (ватагами) и тем, что они могут получить от природы в готовом виде.

Подобнономадам, казачьи группы принуждены были непрерывно передвигаться с места на место, выискивая себе средства к существованию охотой на диких зверей, рыбной ловлей, сбором готовых даров природы и пр.

Только с течением времени у казаков появляется скотоводство, и к этому периоду уже относится организация больших общин, появление населенных пунктов, предназначенных больше для самообороны и защиты. Но эти общины, как это бывает обычным у пастушеских племен, еще не составляют больших общин — Войск.

В этих условиях жестокой борьбы с природой казаки творили свои особые формы общественной жизни, которая сама вырабатывала в казачестве своеобразную психологию, с ее, так мало понятными для европейца и вообще для человека живущего оседло, резкостями и противоречиями.

У старого казачества можно найти много характерных черт одинаково свойственных и древним скифам, обитателям этих же территорий в древние века. Скифы, как это известно, были народом добродушным и мягкого характера, что однако не мешало им быть воинственными и жестокими.

Первоначальный (примитивный) анархизм, бывший исконной религией казачества и его „философией“, через много веков видоизменился, и казачество стало на путь государственности.

В то время как, при нормальном развитии общественной жизни, варварский период переходит в формы примитивного коммунизма, когда роды соединяются по кровной связи и переходят к разведению скота и обработке земли, казачество эволюционирует в сторону воинственного номадизма.

Хлебопашество в казачестве — явление гораздо позднейшее; раньше оно составляло исключительно, далеко не почетное, занятие пришлового элемента. Обработка земли перестает караться смертью у донцов только с 1690 г., но еще в начале XVIII-го в. запорожцы и донцы, а в середине его только запорожцы, разрушают хлеборобские поселения, а черноморцы на Ку-

бани еле-еле прихочиваются к земледелию в начале XIX-го века.

Своеобразный „коммунизм“ сохраняется в Сечи Запорожской до ее последних дней в виде куренного сожителства сотен людей в одном здании, пользовании одними удобствами, одним столом и т. п.

На Дону остатки подобного порядка сохраняются тоже долго — до половины XVIII-го в. — в формах общего ведения хозяйства в городках, дележа добычи от охоты и рыбной ловли, общего приготвления пищи.

Пережитком „варварского“ периода и примитивного „коммунизма“ является и „односумство“, сохраненное до наших дней и характерное для всего казачества вообще. Все это — пережитки от тех времен, когда отдельный индивидуум или даже группа их не могли быть уверенными в возможности быть обеспеченными добытыми своими силами средствами к существованию.

Скифы должны были бороться за существование со скудностью природы — говорит Рабиндранат Тагор. Самый целесообразным способом разрешения этой задачи они считали „военную“ организацию всего населения — мужчин, женщин и детей.

Природно-естественные условия черноморско-азовских степей оказывали свое влияние и на всех позднейших обитателей их. Наложили они также свой отпечаток и на характер казачества, который в продолжении известных нам двух веков проявлялся в типических чертах воинственного номадизма.

Нет сомнений, что территория безусловно влияет на внутреннее сложение и образование индивидуальной своеобразности нации.

Вообще известно, что характер и быт отдельных народов в значительной степени сложились под влиянием территорий, которые они населяли. Географическое положение края, климат и характер территории отражаются в национальных психологии и характере народов.

Нет никаких сомнений в физиологической гармонии между расой и средой, ее окружающей, как например: приспособленность к климату, устойчивость перед болезнями и пр.

Организм, который в продолжение столетий находится в определенных бытовых условиях, сростается со своею средой; примером этого служит Низовое Запорожское и Донское Казачество, веками приспособлявшееся к своим территориальным условиям и сохранявшее устойчивость приобретенных особенностей даже при переселениях в равные условия на Кавказ или в Турцию.

Творя с подобной средой единое целое, народы создают в ней свою особую культуру и цивилизацию.

На почве физиологической формации у народов, создавших или принявших какую-нибудь цивилизацию, возникает дальнейшее звено — формация психическая, уменьшающая интенсивность физических и физиологических изменений. Народ, который очутится в новых климатических условиях, пересоздается во всей своей массе.

В этом отношении достаточно указать на всем известный факт образования Северо-Американского народа в Соединенных Штатах. Представители почти всех европейских народов, уже через одно поколение начинают походить один на другого, даже по физическому типу, не говоря уже про полную общность национального чувства характерного северо-американского патриотизма.

Американизация населения идет так далеко, что европейское поколение принимает и по внешности свойства американо-индийской расы, даже в отношении окраски цвета кожи и характера растительности на те-

ле: это все является результатом влияния климатических условий.

Тот же самый процесс наблюдается и в Сибири, где побеждает урало-алтайский инородческий тип, славянивающий в географических условиях менее стойкую российскую массу.

То же самое явление имеем мы и на собственно казачьих территориях Дона и Кавказа, где уже к нашему времени создался свой специальный тип казачьего населения. Казака весьма легко можно отличить по фигуре, физиономии и по движениям.

Но само казачество в свою очередь не имеет единого казачьего типа: степной казак и кавказский имеют каждый свои особые отличительные свойства, как во внешнем и физическом, так и в духовном отношении.

Особо характерный горский тип, легкость, пружинность и внешнее сходство с аборигенами Северного Кавказа приобрело казачество, осевшее по „Линии“ и в особенности, казачество Терского Войска, жившее на Тереке с незапамятных времен.

А историк Кубани Ф. А. Щербина еще в 80-х годах прошлого столетия писал о линейцах: „Одним словом линейцы были тот же черкес, только русской национальности“.

В определенной мере подобный же тип принимает и не казачье коренное „иногороднее“ население, которое уже несколько поколений живет между казаками и горцами.

Психология такого „коренного“ почти ничем не отличается от казачьей, и в особенности характерно про-

является это в последний период совместной самообороны „коренных“ с казаками против Р. С. Ф. С. Р. и ее протее — „некоренного“ населения и новых колонистов.

С формальным перечислением „коренных“ сел на казачье положение, Кубань приобрела в 1919 г. десятки тысяч казаков, проявивших свое казачество куда радикальнее, чем само „природное“ казачество.

Национальный характер, как таковой, представляет из себя особое соединение духовных сил, внешним выражением которого является жизнь народа.

Необходимы столетия для того, чтобы установилось определенное политическое устройство; также необходимы века для его переустройства.

Учреждения и формы казачьего управления, во времена вольного его строительства, являлись продуктом творчества характерного духа казачества; все правительственное устройство наших казачьих государственных образований явилось продуктом национального казачьего характера.

Казачество не создало у себя того абсолютизма, который свойственен русскому народу. В течение по крайней мере полутора столетия лишенное воли в свободном строительстве своей государственности, казачество должно было „принимать“ эксперименты имперской власти, и несмотря на это царская Россия все же не пересоздала его в „крестьянство“, точно так же как не пересоздала его и Советская власть.

То, что жизнь слагала и укрепляла веками, нельзя уничтожить в такое короткое время,

О. Долинский.

Государство и национальное самоопределение.

II.

Возникает вопрос: каким же образом устранить роковой и неизбежный, по-видимому, конфликт между нацией и государством. И устраним-ли он вообще?

Один из лучших современных националистов — д-р К. Реннер — полагает, что идеально и абсолютно эта национально-государственная антитеза неразрешима. В своем известном труде „Самоопределение народов“ (*Das Selbstbestimmungsrecht der Nationen*, 1918) — он говорит по этому поводу:

„Требование нации и государства относятся друг к другу, как квадрат к кругу. Квадратура круга не была найдена; точно так же никто не найдет чудотворной формулы, которая соединит государство с нацией без какого бы то ни было трения“.

В переносном смысле, это, конечно, красиво сказано. Но, во-первых, политика — не математика, и, во-вторых, ищется не абстрактно-идеальное и, потому, недостижимое, а только — реально-наилучшее и наиболее целесообразное, почему и осуществимое.

Интересно, поэтому, припомнить, как этот спорный вопрос ставился и решался историей.

В этом отношении приходится отметить существование двух противоположных взглядов, по крайней мере, в прошлом столетии и накануне мировой войны. С точки зрения хронологии они представляют две последовательные фазы в оценке фактических стремлений исторического процесса.

Первый взгляд можно назвать национально-романтическим. Проблема взаимоотношения между государством и нацией представляется тут весьма просто: нация создает свое государство.

Блуждали ярко формулировал суть этого взгляда, говоря, что „каждая нация способна и вправе создать государство. Как человечество разделено на известное число наций, так и мир должен быть разделен на такое же самое число государств. Каждая нация — одно государство, каждое государство — одно национальное существо“.

Не трудно видеть, что в этом взгляде на суть взаимоотношений между нацией и государством счи-

зывается влияние гердеровского понимания нации, как естественной и живой формы человеческого развития и историко-культурного прогресса.

Политический энтузиазм национальных романтиков, бьющих только в одну эту точку, позволил централистам и империалистам из лагеря господствующих наций тенденциозно преувеличить в государственной механике роль географического и экономического факторов и сделать из них политический таран для разбиwania национальных стремлений поработенных народов.

По мнению этих противников политического самоопределения безгосударственных наций, нет, не было и не может быть государств чисто национальных. Во-первых, потому, что географические и природные области, — эти естественные формы для государственных образований не совпадают с национальными и языковыми индивидуальностями*), а во-вторых, потому, что экономическое развитие нашего времени с его мировыми тенденциями стирает все провинциальные и национальные границы, принимая материковые и трансокеанские размеры. Государство, где, по их мнению, главным фактором является экономика, — перерасло уже прокрустово ложе национальной изолированности. Будущее принадлежит, поэтому, только территориально большим государственным конструкциям. Численно небольшие и, особенно, малые нации должны поэтому, отказаться от соблазнительной, но увя! реально несбыточной мечты собственной государственной независимости. Время удачно названной немцами „*Kleinstaterer*“ (малогосударственности) отошло-де уже в область политических преданий.

*) Покойный немецкий географ, Кирхгоф специально занимавшийся этим вопросом в брошюре „*Zur Verständigung über die Begriffe Nation und Nationalität*“ замечает по этому поводу: „Отнюдь не является случайностью, что национальные государства Европы более соответствуют естественному разделению нашего материка, чем разделению своих народов и языков“.

Легко видеть, что этот географически-экономический детерминизм и фатализм, что касается государственного зодчества, слишком односторонен и более продиктован централистически-империалистическими благими пожеланиями господствующих наций, чем беспристрастным наблюдением политической действительности, и без труда может быть опариваем с точки зрения исторического развития новейшего времени.

Если национальные романтики слишком перегибали палку в пользу нации, государственные империалисты совершают тот же грех даже еще с большим рвением, а главное — без какого бы то ни было внутреннего оправдания, — восславляя культ государства — кита, равнодушно пожирающего обездоленные меньшие и малые народы.

Критиками теории национального государства, как типа политического развития, были перед войной тоже известные австро-марксисты: Бауер и Реннер. По их мнению, национальное государство было лишь переходным этапом в эволюции государственности нового времени, являясь экономическим выразителем нарождающегося и развивающегося молодого капитализма. Хронологически и исторически это — эпоха середины прошлого столетия, или более точно от 1848 г. („весна народов“) и до 1878 г. (берлинский конгресс).

За это время объединилась и государственно самоопределилась Италия, которую австрийский министр Меттерних считал еще „географическим понятием“; возникла объединенная Германия, чем был закончен период хронической немецкой „*Kleinstaterrei*“. С этой эпохой надо связывать и зарождение балканских независимых национальных государств.

Однако, быстро развивавшийся капитализм к концу XIX ст. перешагнул через границы национального хозяйства, а стало быть и национально замкнутого государства. Соответственно этому экономическому прогрессу — государственным типом ближайшего будущего и дальнейшего развития является отнюдь не национальное государство (*Nationalstaat*), но государство наций (*Nationalitätenstaat*).

Иначе нельзя будет избежать извращения национального принципа, как государство-образующего в том смысле, что уже не нация будет созидать государство по образу и подобию своему, но государство — путем принудительной ассимиляции будет строить нацию по образу и подобию господствующего народа, наглядными примерами чего могут быть Венгрия и Пруссия с их денационализаторской политикой в конце прошлого и начале этого столетия.

Бауер в классической своей монографии „Национальный вопрос и социальная демократия“ (*Nationalitätenfrage und Sozial-Demokratie*) наглядно изобразил эволюцию национализма от демократизма к империализму, т. е. по удачному выражению Реннера — паннационализму, в корне отрицающему первоначальные основы естественного национального самоопределения. Вот почему, по мнению Бауера, — для буржуазной национальной демократии последующей фазы экономического развития „целью является отнюдь не национальное государство, но империалистическое государство национальностей...“

Аналогичного мнения по этому вопросу держится тоже Реннер, полагая, что довоенная Австро-Венгрия — это „лоскутное государство“ или „оскорбление национального принципа“, по выражению многих ее врагов, не только не является политическим анахронизмом, приговоренным историей к смертной казни, но, что как раз в ней можно видеть эмбриональный и несовершенный образец грядущего высшего типа государства, а именно, между — и с верх национального.

Цитированный уже в этих статьях шведский ученый Р. Челлен в своей интересной работе „Современные великие державы“ (*Die Grossmächte der Gegenwart*) считал покойную габсбургскую монархию „всемировым государством в миниатюре“, задачу которой, по его мнению, было „сочетание в одном политическом целом разнообразных, — и к тому же знающих эту свою разнообразность — человеческих пород“.

Но, ни Австро-Венгрия, ни Россия, ни Турция — эти могиканы разноплеменных государств — китов, — не выдержали экзамена на аттестат политической зрелости перед лицом новейшей истории, явно покровительствующей процессу национального самоопределения обездоленных народов. — Они разложились на свои составные части, показывая таким образом, что даже государственное отделение самоопределившихся угнетенных народов не противоречит духу и логике современного исторического развития.

Поэтому социологический диагноз К. Реннера, поставленный им во время войны (см. его труд „Обновление Австрии“ — „*Oesterreichs Erneuerung*“) и неблагоприятный для государства национального типа, не оправдался и был в значительной мере опровергнут политическими событиями 1917-1918 гг.

Реннер на политической карте Европы *ante bellum* тщетно искал чистых форм национального государства, отмечая повсюду преобладание национально-смешанного типа (*Nationalitätenstaat*).

„Три скандинавские государства, затем Голландия, Испания и Португалия, — пишет он, — ни в каком случае не являются главными факторами на историческом поприще. Национальные государства в духе Маццини — уже не правило или, по крайней мере, не образец. Исторически считавшиеся образцовыми национальными государствами, — Франция или Италия, — перешагнули уже через границы национальных областей и полагают, что это расширение является жизненною необходимостью. Для них самих мировая держава старого строя представляется господствующей политической идеей. Но ведь мировая держава неизбежно многоязычна, неизбежно является государством национальностей! Таким образом, национальный принцип принадлежит уже истории, как ни тяжело националисту познать или признать этот факт“.

Не только на примере Европы, но и вне ее (Канада, Англия, Южно-Африканская уния и т. д.) Реннер видит подтверждение своего вышеизложенного взгляда. Что касается Европы специально — колониальная политика ее больших государств (напр. Германии, Италии), превращала их из национальных в разнонациональные.

Интересно, что защитники теории национального типа государств, и отнюдь не из лагеря националистов, ссылаясь тоже на тенденции исторического развития нашей эпохи, отстаивают свою точку зрения.

Маститый идеолог и теоретик марксизма — К. Каутский, — во время войны много уделявший внимания национальной проблеме, признавая большие заслуги австро-марксистской школы в этой области, но в то же время критически подходя к их националистическим предпосылкам и особенно заключениям, — в своем обобщающем очерке „Освобождение народов“ (*Befreiung der Nationen*. 1918) — правильно связывает процесс национализации государства с новой демократией общественной и политической жизни, особенно же с раскрепощением поработанных народов. Языковое и культурное их самоопределение, естественно, ведет, по его мнению, к политической независимости и к государственной самостоятельности.

„Национальное государство, — говорит он, — с точки зрения демократии безусловно является наилучшею формой государства и именно такой, в какой народная масса легче всего может иметь политическое влияние, ибо она там вполне располагает государственным языком, языком политической жизни, политической информации и агитации“.

Вполне понятно поэтому, что прогресс демократизации явно содействует увеличению политической роли нации, являясь естественным ее союзником в борьбе с государственным централизмом и авторитаризмом.

Это можно отметить, по мнению Каутского, на изменениях в политической карте Европы после венского конгресса (1815 г.).

„Действительно, — говорит цитированный автор, — важнейшие изменения границ и аннексий, какие имели место в Европе за последние сто лет — Италии, Германии, на Балканах — совершались в духе национального государства, но не против него“. Даже отделение

Норвегии от Швеции в 1905 г. снова подтвердило правильность этого положения.

Получается в некотором роде парадокс: защитники и противники типа национального государства одинаково ссылаются на новейшую историю для подтверждения своих взглядов.

Этот мнимый парадокс объясняется одним методологическим опущением. Враждебные идеологические лагеря разное представляют себе тип национального государства. Кроме того, обе стороны впадают в грех абсолютного понимания социологических явлений. Но, именно, в социологии, а стало быть, и в политике — более уместным, или лучше сказать — попросту неизбежным, является принцип относительности.

Мы уже говорили выше: абсолютно чистых национальных государств нет, не было и трудно вообще представить, что они когданибудь будут. С точки зрения абсолютности даже классические образцы национальных государств, как Франция или Испания, таковыми не являются, о чем явно свидетельствуют регионально-федералистические стремления в обоих этих государствах.

Мы напоминаем читателю статью проф. Масарика, специально посвященную национальной проблеме и появившуюся уже на страницах этого журнала. В ней статистическим материалом проиллюстрирована и доказана была правильность выше приведенного положения.

Совсем иначе представляется этот вопрос, когда мы будем рассматривать его в плоскости относительности, т. е., когда под национальным государством будем понимать такое, где данная нация имеет относительное и возможно максимальное большинство.

Конечно, для избежания возможного произвола необходимо установить объективные критерии и масштабы этой относительности. Каутский, напр., признает два соотносительных фактора и элемента, характеризующих нацию: язык и территорию.

„Для национального государства, — говорит он в цитированной выше работе, — следует принимать во внимание только замкнутую языковую область. Каждый живой народ заселяет такую область“.

Конечно, мировая конференция 1919 г., создавая политическую карту „Новой Европы“, более считалась с дипломатическими соображениями и аппетитами Антанты, чем с политическими требованиями самоопределяющихся народов. Этим можно объяснить то обстоятельство, почему, с точки зрения национальных стремлений, послевоенная Европа не удовлетворяет многих; почему ее политическая карта вызывает такую критику. Ясно, что ее можно и следовало бы сконструировать так, чтобы в чужих государственных тисках и за бортом независимых своих государств не оказалось 40 миллионов национальных меньшинств. Это число при доброй воле, а главное — с точки зрения политической целесообразности и настоящей демократии, можно бы было уменьшить вдвое или втрое. Тогда было бы мень-

ше новых Австрий *en miniature*, но зато легче было бы осуществить Локарно во всеевропейском масштабе и более прочно укрепить международный мир.

Однако, и наиболее непримиримый пессимист не сможет отрицать того очевидного факта, что с точки зрения национального самоопределения парижская мировая конференция дала безусловно лучшие результаты, чем, напр., венский конгресс 1815 г., и что конечно правы те, по мнению кого новейшая история благоприятствует государственному самоопределению угнетенных и освобождающихся народов. Нет сомнения, что Чехословакия лучше покойной Австро-Венгрии; что объединенная Югославия ближе к типу национального государства, чем довоенная атомизация югославянского племени; что независимые Финляндия, Эстония, Латвия и т. д. — это примеры национальных государств, приближающихся к образцовому типу.

И глубоко прав проф. Масарик, когда в цитированной уже тут статье констатирует: „История, стало быть, не доказывает, что малые народы и государства исчезают; наоборот, она вполне ясно показывает, что малые народы становятся независимыми“.

Это — факт вопреки географическому детерминизму и экономическому фатализму, какими так охотно маскируют свой политический империализм и централизм представители господствующих наций.

Тип государства кита ясно погибает и вымирает, как в свое время исчезли геологические звери-чудовища. Среди новых государственных образований преобладают меньшие над средними, примером чего могут служить названные прибалтийские государства, далее — на время освободившиеся кавказские, наконец — центрально-европейские.

Национальное самоопределение логически завершается государственной независимостью. Антитеза — нация — государство, в переживаемую нами эпоху, решается в пользу нации. Прав известный французский дипломат, приверженец регионализма и федерализма, Эннесси, когда в своей лекции „Европа и федерализм“*) — констатирует, что в течение последнего столетия понятие государства и суверенности подверглось коренным изменениям, что в политическом обиходе слово государство все более уступает место понятию нация, что возникают сверхгосударственные организации с тенденцией стать международными.

Словом, мир, а прежде всего Европа, находится в процессе политической перестройки, базой какой является не национальное государство, но государственная нация, как неизбежный этап на пути синтетических организаций высшего порядка с целью континентального и мирового объединения человечества в будущем...

*) См. интересный сборник лекций об европейском федерализме — „L'Europe Fédéraliste“, читанных в прошлом году в парижском „Collège libre des Sciences Sociales“.

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

II.

Вмешательство Петра I во внутреннюю жизнь Войска Донского, ограничивши исконное право Войска самостоятельно распоряжаться своими землями для целей колонизации и лесными угодьями, положило начало новому периоду в истории аграрного законодательства Донского Края.

Старинное донское обычное право и его верховный источник — граждане Войска и Войсковой Круг — уступают место отдельным государственным актам российских императоров. Войсковой Круг продолжает свое

формальное существование до 1721 г. До его окончательного уничтожения в начале XVIII в., на Дон посылаются ряд грамот, разрешающих различные вопросы сельско-хозяйственной жизни казачества, возникающие или в порядке конфликтов с соседями, или в интересах строительства государства Российского.

После уничтожения Войскового Круга и замены его Советом Старшин*), на Дону фактически не осталось

*) Сбор Старшин в Войсковой Канцелярии.

органа, который мог бы впоследствии видоизменить старое обычное войсковое право сообразно потребностям, выдвинутому усложнившейся жизнью казачества.

В XVIII веке условия жизни на Диком Поле изменились. Опасности, связанные с набегами, препятствовавшие развитию мирной трудовой жизни казачества, миновали. Казачество перешло к более рациональному использованию богатств своей территории. На ряду со скотоводством, охотой и рыбной ловлей широко распространяется в этом веке главная форма сельскохозяйственного труда — хлебопашество. Строятся водяные и ветряные мельницы, винокурные заводы, в южной части распространяется виноградарство и садоводство.

Отсутствие на Дону крепостного права, политическое равенство всех граждан, естественные богатства Края — реки, леса, плодородные земли, характер самого населения, с редкой энергией борющегося с жизненными препятствиями — все это дает основание предполагать, что при наличии своего Войскового Круга, даже как органа только местного краевого самоуправления, Земля Войска Донского быстро превратилась бы в богатый и цветущий край.

Но произошло иначе. На пороге своей самостоятельной культурной мирной жизни, право на которую казачество завоевало себе вековым жертвенным подвигом среди смертельных опасностей, окружавших его со всех сторон, оно столкнулось с государственностью российской, в то время чуждой ему во всех отношениях, кроме языка и веры. Два совершенно различных уклада жизни не могли слиться, и казачество вступило на путь борьбы за свой уклад, было сломлено и потеряло почти все, что хранило и мужественно отстаивало в течение веков.

Аграрное законодательство этого периода носит характер смеси старого обычного права, большей частью не отвечавшего потребностям жизни, и грамот императоров российских, разрешавших отдельные вопросы местной жизни или связанные с теми или иными мероприятиями по строительству российского государства.

Грамоты сплошь и рядом упоминают о казачьих обычаях, о их неприкосновенности, но в то же время и сама жизнь и интересы государства Российского требуют или изменения этих обычаев сообразно новым условиям жизни, возникшим на Дону с переходом казачества к мирному труду, или уничтожения их, как противоречивых и несогласуемых с общегосударственным порядком. По целому ряду новых вопросов казачество было предоставлено самому себе, но в то же время у него была отнята возможность самостоятельной внутренней жизни уничтожением Войскового Круга, как органа, который бы направлял эту жизнь согласно со всеми предыдущими ее особенностями.

Следствием было то, что полтора почти века казачество жило в условиях случайных и неполных аграрных законов, произвола казачьих старшин и общей бесхозяйственности.

Грамоты аграрного характера можно разделить на две группы. К первой группе относятся грамоты (и иные государственные акты), касающиеся территории Войска Донского. Вторую группу составляют грамоты, связанные с вопросами аграрной жизни казачества; при чем эти последние, для удобства разбора, можно в свою очередь разделить на подгруппы: — относящиеся к вопросам колонизации; связанные с правом владения и пользования лесными угодьями и сенокосами, рыбными и звериными ловлями; касающиеся захвата казачьих земель и, наконец, изданные по отдельным (пошлины, мелиорация, эпизоотии) аграрным вопросам.

Уверения в неприкосновенности казачьих прав на всю территорию Войска Донского и на внутреннюю жизнь согласно древних обычаев находятся в целом ряде императорских грамот XVIII и XIX вв.

Петр I в грамоте 1706 г., присланной на Дон по поводу пожалования Войску Большого Знамени, перначу, бунчука и 6 станичных знамен, уверял казаков, что милость его к ним „будет всегда с приращением“.

Императрица Анна Иоанновна (грамоты от 4 марта и 13 июля 1737 г.) обладеживала Войско Донское, что казаки „милостию и награждением оставлены не будут, в чем вы, Войско Донское, можете без всякого сомнения быть благонадежны и всегда Мы к вам пребудем благосклонны“.

Екатерина II (грам. 1775 г. 28 июня), указывая на храброе участие казаков в турецких войнах, писала: „не только приемлем Мы достойными Нашего Монаршего отменного благоволения и милости, но и сохраним оные всегда в правосудном Нашем признании и памяти“.

Екатерина II (грамота от 27 мая 1793 года, в связи с обмежеванием границ Земли Войска Донского) Александр I (грамоты от 30 августа 1811 г. и 19 ноября 1817 г.), Николай I (грам. 19 марта 1826 г.) — подтверждали торжественно „неприкосновенность всей окружающей его (Войска) владений со всеми выгодами и угодьями... толикими трудами, заслугами и кровью отцев его приобретенные“.

Территория Войска Донского и ее границы в описываемом периоде определились следующим образом.

В половине XVIII столетия возник спор из-за границ с Запорожским Войском. 25 мая 1743 года бывший кошевой атаман Константин Милашевич подал жалобу в Правительствующий Сенат на притеснения со стороны Войска Донского в пользовании угодьями по р.р. Калмиусу, Миусу и др. Донское Войско отпиской оспаривало притязания запорожцев и отстаивало свое право на владение означенными местами и угодьями. Грамотой от 3 сентября 1743 года было поручено разобрать спорный вопрос на месте бригадиру крепости св. Анны, с затребованием документов на право владения с обеих сторон. Миссия бригадира окончилась неудачей, и 31-го июля 1747 г. дело было поручено подполковнику С.-Петербургского пех. полка Якову Бнасу, но при его расспросах о правах обоих Войск на спорные земли „обе стороны уверяли к своей правде“ и по сказкам старожилых старшин и казаков „утвердилось не возможно“ было. В результате грамотой от 12 мая 1746 г. вопрос о границах между Донским и Запорожским Войсками был решен — „ответь ныне во владение земли и реки, и лесные угодья и владеть — от р. Калмиусу Еланчиком, Крынкою, Миусом, Темерником даже до р. Дону и со всеми впадающими в них речками, балками, косами и оных вершинами и всякими угодьями, состоящими по оному разграничению владеть вам, Донским казакам... быть между вами, Донскими и Запорожскими казаками, упомянутой речке Калмиусу границею“, и всеми угодьями предписано было пользоваться без споров под угрозой „жесточайшего гнева и истязания“. Западная граница была подтверждена последующими грамотами от 3 июня 1746 г., 16 апреля 1751 г. и в таком виде была нанесена на карту Земли Войска Донского, утвержденную Екатериной II в 1786 году, по представлению князя Потемкина.

Вскоре после этого возник вопрос о восточных границах с Волгским Войском, который был в 1752 г. решен временно установлением границы по р. Иловле (Донскому Войску был дан правый берег Иловли от устья до городка Дмитриевска с Большою Лукою, где прежде была донская станица). В 1755 году вопрос о границах с Волгским Войском был решен окончательно установлением межевых знаков.

Вопрос о северных границах Земли Войска Донского начался спором казаков Бахмутского городка из-за войсковых земель, самовольно занятых Изюмским Слободским полком (в связи с соляным промыслом). Полк занял соляные источники, принадлежавшие казакам, самовольно начал колонизовать примыкавшие к полку донские земли Слободскими казаками и торскими жителями, стесняя казачьи поселения по р.р. Бахмуту, Красной и Жеребцу. В 1703 году полковник Изюмского полка разорил ближайший городок, истребил солеварни, разломал часовню, а в 1704 году самовольно наложил на казаков пошлину на соль, у них же отобранную. Луга и сенокосы забрал в свое владение и пользование. На эти притеснения и посягательства, по инициативе атамана Бахмутской станицы Кондратия Булавина, казаки принесли жалобу. Вопрос был решен временно

впредь до окончательного размежевания спорных местностей, — оставлением земель за теми, кто ими владел фактически. Потом последовало распоряжение Польского Приказа о передаче соляных варниц в казну, что было одной из причин булавинского восстания. После подавления булавинского восстания северные границы Войска Донского были самовольно установлены Петром (наказ Петра I кн. Долгорукому). Во исполнение этого наказа были уничтожены городки: по р. Донцу — по Луганский городок; по р.р. Айдару, Деркулу, Калитвам и другим рекам, впадающим в Донец — все городки; по Медведице, Хопру и Бузулуку — все, по р. Иловле — по городок Иловлинский. Земли с небольшой частью казаков, уцелевших после погрома кн. Долгорукого, были присоединены к Бахмутской провинции; юрты по р. Айдару пожалованы Острогжскому казачьему полку; земли в верховьях р. Хопра, опустевшие по разорении казачьих станиц, Пристанской, Беляевской и др., причислены к Воронежской губернии. В дальнейшее время на севере Донской Земли возникали споры из-за границ с Острогжским Слободским полком в 1750 году, с Калочеевской и Тулучеевской сотнями Острогжского Слоб. полка в 1761 году. Споры были окончательно разрешены во время работ по обмежеванию общих границ Земли Войска Донского (с 1766 по 1786 г.г.).

Южные границы Земли Войска Донского менялись в этот период несколько раз. По завоевании Азова, Петр I превратил весь Приазовский край в Азовскую губернию, в состав которой на юге входили: Азов, Троицкий, Павловский, Никонов, Сергиев. Впоследствии это составило Ростовский уезд, Екатеринославской губ.

В 1711 году граница России проходит степью от разоренного Таганрога на Саур-Могилу, далее по реке Тузлову до Каменного Брода, а оттуда степью на верховья р. Темерника, далее рекою Темерником до впадения ее в Дон. Оттуда Задонскими степями до р. Еи.

В 1712 году Петр I построил на донской земле ниже Черкаска крепость Транжемент, но, вследствие протеста Турции перенес ее выше Черкаска, назвав Новый Транжемент. Крепость просуществовала до 1730 года, когда была переименована в крепость Св. Анны (1730—1761 г.г.), заняв 3314 десятин донской земли с населением в 5725 душ. Гражданское население крепости состояло из однодворцев великороссов, украинцев и занимало земли по р. р. Тузлову и Санбеку. У донцов с жителями крепости возникали частые споры из-за земельных угодий.

В 1761 году (указ Прав. Сен. 20 декабря 1760 г.) крепость Св. Анны была уничтожена и вместо нее заложена новая крепость Св. Дмитрия на берегу р. Дона у Богатого источника. Под крепость было отведено 41096 десятин земли и установлены границы с территорией Войска Донского. В 1769 году Азов вновь был завоеван, и Приазовский Край по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору отошел к России, а в 1775 году была восстановлена Азовская губерния. В дальнейшем от 1775 г. до 1835, т. е. до конца описываемого периода, Приазовский Край отходит, как уезд, под разными названиями то к Азовской (Дмитриевский, Таганрогский, Мариупольский), то к Новороссийской (Ростовский с 1797 г.) то, наконец, к Екатеринославской губернии (Ростовский у. с 1802 г.)

Продолжительный спор из-за границ возник у Войска с крепостью Св. Дмитрия. Начавшись в 1761 году, он окончен был в 1768 г. установлением границ — вверх по Дону до Усть-Окся по Крымской стороне на север по Большему Лугу до р. Дона на 20 верст, а по Кубанской стороне от Усть-Окся, на юг через озеро Махино до кургана Дву-Братов, а от того кургана по Дону на 20 верст и вниз по Крымской стороне по р. Мокрый Чалтырь до вершины, а по Кубанской вверх на курган Пять Братов.

Вследствие посягательств на донскую территорию со всех сторон, Войско неоднократно просило русское правительство об обмежевании его границ.

Грамотой 15 марта 1766 года (указ Межевой экспедиции Прав. Сен. Военной коллегии по вопросу об

обмежевании В. Д.) было положено начало работ по обмежеванию границ Земли Войска Донского.

Общие основания работ грамотой были определены в следующих границах:

1. Обмежевание произвести под присмотром Военной коллегии „положением окружности общей межи от разных владельцев и проч. государств. селений и пусто-порожных мест соседних, а собственно во внутреннее их размежевание не входить“.

2. При возникновении споров руководствоваться — полюбовным соглашением заинтересованных, документами, подтверждающими права владения и, в случае несогласия и отсутствия документов, положениями указа от 8 дек. 1763 г. об обмежевании поселений иностранцев, т. е. оставлять владельцам не менее 15 десятин на ревизскую душу.

3. Постановку межевых знаков, составление межевой книги и изготовление межевого плана „всей донского владения окружности“ произвести согласно межевых инструкций; план землям Войска Донского „впредь к тверднейшему всегдашнему владению“ внести для „штемпеля“ и подписи в Сенатскую Межевую экспедицию.

4. Разрешение мелких спорных вопросов грамота предоставляет Военной коллегии сообразно с обстоя-тельствами, имеющими быть выясненными на месте.

Работы по обмежеванию границ были закончены в 1786 году, карта Земли Войска Донского была поднесена кн. Потемкиным на утверждение и 10 октября 1786 года была утверждена собственноручной подписью Екатерины II.

В 1795 и 1796 г.г. граница была проведена в натуре комиссарами, назначенными от Донского Войска и прилегающих к нему губерний, в следующем виде:

„От устья р. Калмиуса, впадающего в Азовское море, левым берегом сей реки до ее вершины и по том сухою чертою до р. Крынки, отсюда левым берегом р. Булавина Колодезя, от вершины которой Миусом и сухою чертою до р. Хрустальной, далее сухою же чертою, прерывающеюся балками и р. Каменкою, до р. Белой, правым берегом сей речки до р. Северного Донца, левым берегом оною до устья р. Койсуга и вверх по оной; потом простирается б. ч. сухая черта через р. р. Деркул, Камышную, мимо вершин речек Нагольной, Меловой, Калитвы и Тихой до берега р. Дона. Выше Казанской ст. через Дон продолжается также сухая черта до р. Хопра через речки Криушу, Сухой Лог, Манину Подгорную и несколько рекою Пеховкою: потом от Хопра до Медведицы через р. Калмык, Кардаил и Купаву по вершинам Бузулка и впадающих в него речек, оттоль частью речками Б. и М. Бурлуками и Карганом идет сухою чертою до р. Маныча, пересекая на сем пространстве речки: Ольховку, Тишанку, Иловлю, Тишанку, Россошку, Карповку, Царицу, Мышковку, Есауловский Аксай, Кара-Сал, Эжшебай-Сал, Джюрюк-Сал. Оттоль живым урочищем вниз по правому берегу Лимана и р. Маныча до р. Среднего Ёгорлыка, вверх по оному сухою чертою речками: Кугай Еею и Еею, потом опять сухою чертою через р. Чубур и балку Сухие Чубурки до Азовского моря, левым берегом оною и опять сухою чертою через балку Сухие Чубурки и р. Чубур и Сухой Чубур до р. Елбузды несколько оною рекою и р. Мокрым Кагальником, сухою чертою через балку Комышеваху и речки Сухой Кагальник, Мокрый Батай, р. Дон до р. Тузлова, далее вевшинами речек Сухого и Мокрого Самбеков, затем сухою чертою до вершины р. Каменки, р. Миусом, правым берегом Миуского Лимана и, наконец, правым берегом Азовского моря до устья р. Калмиуса“.

В 1793 году с грамотой от 27 мая карта Земли Войска Донского была торжественно (с хлебом — солью от Императрицы Екатерины II) препровождена на Дон и вручена Войску. „Желая Войску Донскому доставить беспорочное на вечные времена владение принадлежащими оному землями... утвердили подписанием нашим поднесенную Нам и при сем препровождаемую карту“, — писала Екатерина II Донскому Войску.

В эти границы, заключающие в себе 14.203.204 дес. всей земли, входили: Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство Екатеринославск. губ., как расположенные на казачьих землях.

Позже, с присоединением к Дону Приазовского Края (1887), территория Земли Войска Донского увеличилась на 800.000 дес. присоединением береговой полосы Азовского моря и имела всего 15.017.705 дес. всей земли.

Т. Стариков.

Значение местности.

(Глава из труда автора: „Конница в полевой войне“).

Местность имеет огромное значение для боевых операций. В большинстве случаев исход боя зависит от удачно избранной позиции. Поэтому на ее избрание должно быть обращено особое внимание. Хорошее поле для кавалерийских боев встречается гораздо реже, чем хорошая позиция для боев пехотных. Пехота, кроме того, приводя позиция в оборонительное состояние, может в сильной степени исправить ее недостатки, конница же, если она имеет в виду конные бои, исправить недочеты позиции или поля боя не в состоянии. Она может пользоваться только естественными их качествами. Это обстоятельство еще в большей степени затрудняет их выбор.

При выборе поля боя должно быть обращено внимание на рельеф местности, почвы, группировку озер, рек, болот, ручьев, расположение населенных пунктов и лесных пространств, на место нахождения противника, его род, количество и намерение, а также на его боеспособность, технику и излюбленные тактические приемы. Эти последние данные нужно сравнивать с техникой, силой и настроением своих войск, и тогда уже решать, какое именно поле боя или позиции необходимы для того, чтобы нанести поражение противнику, как использовать достоинства их, с какими недостатками можно примириться, чем и как восполнить их.

Суммируя все данные о противнике (если они имеются) и о своих войсках, можно при обороне какой-нибудь определенной линии заранее избрать выгодную для себя позицию или поле для конного боя, а путем искусных передвижений и предварительных боевых действий заставить противника дать бой именно на них.

При движении вперед или встречных боях можно теми же приемами навести противника на лучшее для себя поле боя, хотя бы для этого пришлось отойти назад или принять в сторону.

Если противник обороняется, то кавалерийский начальник может и должен избрать лучшее направление в данной местности для своих атак и обставить их таким образом, чтобы части при этом несли возможно меньшие потери от огня противника, а противнику пресечь всякую возможность для фланговых контр-ударов.

Если противник наступает, то почти всегда можно избрать удобное место для перехода в контр-наступление или в контр-атаку. В этом случае имеет решающее значение выбор такой позиции, которая позволила бы расположить пулеметы и орудия таким образом, чтобы они могли в нужный момент и с соответствующих дистанций открыть наиболее губительный огонь, который смог бы расстроить противника.

Если конница действует самостоятельно, то она почти всегда может при указанных случаях свободно избрать ту или иную позицию, то или иное поле боя. Но, если она ведет бои совместно с пехотой, то ей приходится давать их там, где потребует обстановка или приказание. Но и при таких условиях, всегда можно найти возможность занять более выгодное положение, чем противник, или, во всяком случае, соответствующими маневрами и расположением технических сил пополнить недостатки позиции. При этом надо очень хорошо знать тот предел, до которого может дойти дух и боеспособность наших войск, надо знать на что именно они способны и на что способен противник.

Самым лучшим полем для конного боя считается то, которое имеет ровную и твердую почву для атак, скрытые от глаз противника, а лучше от пуль и снарядов,

места для резервов, скрытые подходы к ним с тыла, близость их от поля боевых действий, хороший наблюдательный пункт для начальника, управляющего боевыми действиями, который находился бы возможно ближе к резервам и к месту боя, и с которого открывался бы вид как на него, так и на подступы к нему от противника. Хорошие артиллерийские и пулеметные позиции и наблюдательные для них пункты. В тылу не должно быть непроходимых мест и узких дефиле, а впереди — скрытых пространств для разворачивания противника и его резервов и подступов для фланговых и тыловых ударов. Желательно, чтобы в тылу у противника или на одном из его флангов были непроходимые места, к которым можно было бы прижать его и уничтожить.

Такое поле боя может считаться идеальным и в действительности встречается очень редко. Да и заставить противника дать бой на таком поле трудно. Чаще же всего приходится давать бои там, где заставит обстановка, или выбирать позицию или поле боя не столь совершенные.

Разнообразие рельефа местности и других ее условий так велико, что выбрать надлежащую позицию, произвести оценку всех ее отрицательных и положительных качеств, использовать имеющимися силами хорошие ее стороны, умерить влияние плохих на исход боя, свести на нет положительные качества позиции противника и воспользоваться отрицательными — является настолько трудным, что оно доступно в полной мере только талантам.

Во всей совокупности условий местности есть определенный смысл для боевых операций и какая то едва уловимая душа, которые надо уметь разгадывать и обрывать в свою пользу.

Смысл позиций и поля для кавалерийских боев можно понять и оценить разумом, душа же их постигает только инстинктом, только чувствами.

Опытный начальник может понять умом и очень тонкие детали позиции, оценить скрытые для масс достоинства ее и недостатки. Но рядовая масса оценивает разумом только грубые, слишком очевидные ее свойства, все же прочие достоинства она только чувствует, оценивает только инстинктивно. Эти чувствуемые стороны позиции и поля боя или, вернее, их душа очень сильно влияют на настроение масс. При положительных качествах возникает, помимо сознания человека, уверенность в победе, упорство в бою и достигается действительная победа, при отрицательных — падает дух и части становятся мало боеспособными.

Вот поэтому то начальник должен избрать не только хорошую позицию и оценить взаимоотношение разных ее качеств, но учесть и влияние их на психику войск. Последнее сделать труднее, как и труднее почувствовать душу позиции, чем понять достоинства ее и недостатки.

В этом отношении замечательно то, что во время быстрых сближений конных масс и скоротечности их боев часто и те стороны поля боя, которые в спокойном состоянии можно бы оценить умом, не поддаются учету разума, а скорее чувствуются инстинктивно. Повидимому мысль не успевает сделать свое дело.

Звешивание моральных и боевых качеств противника и своих войск, соотношение технических сил в применении к условиям позиции, особенно во время неожиданных столкновений конницы, дается еще труднее, чем оценка самой позиции. В этом отношении чувство

и инстинкт играют еще большую роль. Талантливый начальник в такие минуты скорее машинально отдает нужные и притом единственно возможные при данных условиях местности и боя приказания.

Правда, в такие минуты у начальника, несущего всю ответственность за исход боя и жизнь людей, происходит огромнейшая работа. Все существо, разум и чувства обращаются на разрешение поставленной задачи. Они напрягаются до последней степени и выносят такие решения, для которых в обыкновенное время потребовались бы дни и часы.

Интересно отметить, чем же и как позиция и поле конного боя могут влиять на настроение войск, в чем состоит и как проявляется их душа.

Вот несколько грубых примеров:

Памяти Т. Шевченка.

(1814—1861).

На сьогодні та завтра (10 та 11 березня) припадають Шевченківські дні. По цілому світі, — на батьківщині та на вигнанню, де тільки єсть хоч невеличка їх колонія, — в ці дні сходяться що-року всі українці до гурту, щоб вшанувати пам'ять свого великого поета, проголосити вічну славу національному герою і мученикові.

Дні ці стали для українців національним святом. Ні один народ у світі не шанує так своїх поетів, не викладає до цієї пошани такої безмежної любові, такої сердечної відданості, якою український народ вкриває пам'ять Тараса Шевченка. Імя поета вогневидами літерами написано на національному прапорі, став він патронною землею української.

Життя і твори Тараса Шевченка пояснюють і цю любов і цю народню відданість. Біографія його відома всім. Народився у бідній кріпацькій родині, виніс на своїх плечах, вистраждав своєю душею всю лиху біду, звязану з панщиною і поневоленням людини. Рабом свого пана, що згнуздався з нього, був до 24 літ. Потім пережив дев'ять літ на волі. Але це було за часів суворої Миколаєвщини. коли, по словах поета, і „волі, сказати по правді, не було“. Шевченко не міг замиритися з такою „волею“, і вона скінчилась для нього засланням в салдати до Закарпатських степів, звідки він повернувся через одинадцять літ, щоб умерти в холодному, чужому Петербурзі.

Ні просвіту, ні крихти щастя за 47 літ життя. Не знав персонального життя, не мав дружини ні родини. Одинокий і самотній перейшов він світом, несучи в своєму серці всі болі свого народу, всю трагедію рідної України. Ціле своє життя, свою геніальну вдачу поета и маляра покладав, як жертву, на діло літературного, соціального і політичного відродження своєї батьківщини. Україна була для нього не абстракцією, а живою людиною, — матіррю, сестрою, подружжям. Вона для нього вища за все на світі. Побожний христіанин, релігійна людина, він пише:

Я так її, я так люблю
Мою Україну убогу,
Що прокляну святого Бога,
За неї душу погублю...

Безмежна любов до України надала поезіям Шевченка характер мудрого прояснення минулого, молитви за сучасне і прозорливого пророцтва про майбутне

Вспаханная или вязкая почва на месте атаки, затрудняющая ход лошади, замедляет атаку, ослабляет порыв и не дает нужного опьянения, нужного экстаза. Плетни, заборы, рытвины, овраги делают тоже самое. Ровное на много верст поле заставляет начинать атаку с дальних расстояний, долго держит конницу под обстрелом противника, дает потери, утомляет лошадей и ослабляет волю у бойцов, доводит чувства их до такого сильного напряжения, которое длится долго не может, прерывается и ведет к преждевременной реакции, атака срывается, части останавливаются или поворачивают назад. Настроение войск ухудшается, когда позади наступающих частей находятся: реки, озера и узкие дефиле, или у противника имеются позиции, позволяющие вести меткий обстрел атакующих или незаметный подход.

України. Образи того, другого і третього одночасно встають в душі поета, покриваючи одні одних. Хиба не про нашу сучасність говорить він устами архимандрита XVIII століття?

... На Україні —
Пожар не гасне, люде мруть,
Конають в тюрмах голі, босі,
Діти нехрещені ростуть, —
Козацькі діти, — а дівчата,
Землі козацької краса,
У ката вянуть... Горе, горе!..

Хиба це не почуття сучасного козацтва висловлено поетом у таких рядках його пісні-молитви:

О, милий Боже України,
Не дай пропасти на чужині
В неволі вільним козакам!
І сором тут, і сором там, —
Вставать з чужої домовини,
На суд Твій праведний прийти,
В залізах руки принести
І перед всіми у кайданах
Стать козакові...

Горе за батьківщину, за муки народні заливало кровью серце поета, але творчі очі його давали йому знання майбутнього, і він не був песімістом. Знав він за темної ночі свого часу, що „сонце йде і за собою день веде“, що „не за горами волі час“; але знав він також і те, що ця воля вимагатиме надлюдських зусиль і „сто-рік крові“. Знав він, що окроплена „ворожою кровью“, встане незалежна вільна Україна, і заповів він своїм нащадкам, щоб була вона „без холопа і пана“, щоб не було в ній „владики і раба“, щоб всі українці були — „люде“.

Після смерті Шевченка в народі повстала віра, що він не вмер, а живий, що з'явиться він тоді, коли потрібний буде вождь народній. Віра ця виправдана. Смертні останки його лежать, правда, і зараз під залізним хрестом на високій горі над Дніпром, але дух його живе в серцях українських нащадків його. Це під його проводом серед нелюдського страждання виконують вони зараз його заповіт про незалежну Україну без холопа і без пана. Його віра веде їх до бою, його пророцтво заручує їм перемогу...

С. Л.

Ранее вышедшие номера журнала, вследствие ограниченного их количества в редакции, впредь будут высылаться исключительно за плату.

Международная жизнь.

Американско-франко-германско-японско-советские переговоры о кредитах.

Невыносимое экономическое положение в СССР заставило советскую власть снова развить лихорадочную деятельность в поисках кредитов. Большевицкие политические и торговые представители и просто частные лица, облеченные доверием Москвы, в последнее время ведут или пробуют вести переговоры о кредитах буквально во всех концах земного шара: в Париже и Берлине, в Швеции и Швейцарии, в Японии и Соединенных Штатах. Результаты везде и всюду почти одни и те же: не дают или ставят такие условия, согласиться на которые не в состоянии даже коммунистическая власть; просто отказываются от каких-либо переговоров или откладывают их на неопределенное время и т. д.

Пропустим неудачные переговоры в Швеции и Швейцарии, — дела были незначительные.

Большие надежды возлагали Советы на возможность получения кредитов в Соединенных Штатах Северной Америки. Не надеясь на уступчивость американского правительства, большевицкие коммерческие агенты решили достать доллары у частных лиц и предприятий и придумали для этого весьма хитроумную комбинацию.

Отпечатав в долларах соответственное количество железнодорожных облигаций строящейся Сибирско-Туркестанской магистрали (построено несколько десятков верст), они, заручившись согласием банков, связанных с торговыми фирмами, имеющими отношения с СССР, стали продавать их через эти банки непосредственно публике, взяв на себя обязательство выплачивать там же на месте проценты в долларах. Продажа уже было началась, но американское министерство финансов признало эту „комбинацию“ незаконной и продажа прекратилась. Не помогло Советам даже и подлинное золото, привезенное ими в Нью-Йорк в количестве трех милл. долларов, как залог их операций. Америка так много имеет своего золота, что в чужом не нуждается, и монетный двор, который должен на всяком привезенном золоте, для его узаконения, поставить пломбу, отказался принять для проверки советское золото, как „неизвестно кому принадлежащее“. Так и лежит оно сейчас без движения в подвалах дружественных большевикам банков.

Посылая в Париж своего нового представителя на место сосланного в Астрахань тов. Раковского, большевики протрубили на весь мир, что советский посол ведет французам новые предложения, которые заставят их развязать свою мошну и отпустить Москве многомиллионные кредиты. Радужное настроение правителей СССР продолжалось недолго. Тов. Довгалецкий в самом деле немедленно после приезда поставил вопрос о возобновлении переговоров о торговом договоре, об упорядочении вопроса о царских долгах и о советских кредитах. Переговоры эти приостановились на первых же беседах большевицкого посла с соответствующими французскими представителями и продолжения до сих пор не последовало. Напрасно тов. Довгалецкий обращался и к Пуанкаре и к Бриану с просьбой возобновить переговоры об урегулировании кредитов. На свою просьбу он получил от французского министра иностранных дел ответ, что в настоящее время он считает созыв французско-советской конференции нежелательным. Время в самом деле совершенно неподходящее для подобного рода работы. Французский парламент заканчивает работу своей последней сессии, и в апреле вся страна будет озабочена и все политическое внимание будет посвящено парламентским выборам. Предоставление большевикам возможности в такое время произносить на конференции свои агитационные речи и давать соблазнительные, несбыточные обещания равносильно признанию за ними права вмешательства во внутренние дела Франции. Этого французское правительство допустить не может, тем более, что, как это видно

из некоторых полуофициальных заявлений, от самой конференции оно ничего доброго не ожидает.

Аналогично, хотя несколько и сложнее стоит дело в Германии. Три года тому назад Германия заключила с Советами торговый договор, предоставив им потом 300 миллионов золотых марок торгового кредита для развития советско-германских операций. Срок договора приблизился к концу, и стало необходимым выяснить, сохранить ли его или заменить, и если заменить, то чем. При заключении договора большевики обещали, получив кредиты, развить советско-германский торговый оборот и довести его до размеров довоенного оборота Германии с Россией.

Обещание оказалось пустой сказкой. Вместо увеличения, советско-германский оборот все падал, так как большевики, получив германские кредиты, перестали обращать внимание на Германию, а старались завязывать сношения с теми странами, где они кредитов не имели, чтобы задобрить их. На упреки, сделанные им немцами, они ответили на переговорах требованием новых кредитов в размере нескольких сот миллионов золотых марок. Для немцев такое требование нежелательно и невыполнимо, и переговоры стали на мертвой точке, перейдя из общих собраний в комиссии. Вряд-ли они скоро могут быть закончены.

Причиной этому, во-первых, служит то, что подобно французам, немцы также должны готовиться весною к новым парламентским выборам; а, во-вторых, то обстоятельство, что поведение большевиков и их экономическое положение вызвали резкую настороженность в немецких торгово-промышленных кругах. Дошло дело до того, что возник даже проект не заключать с Советами никаких договоров, пока не будет организован всеобщий единый экономический фронт против СССР, а по образованию этого фронта, всем государствам, желающим торговать с Советами, заключить с ними торжественный в своих пунктах договор, чтобы парализовать развращающую европейские торгово-промышленные круги работу большевиков, которые ведут свои операции по принципу натравливания одних промышленников на других, одного государства на другое. Проект этот, зародившийся в Германии, перекинулся и в другие страны, встретивши всеобщую симпатию. Большевики, конечно, рвут и мечут, опасаясь, что на этом проекте сойдутся, с одной стороны, Франция и Германия, на противоположности чьих интересов Советы строят свою не только экономическую, но и политическую игру; а с другой — пристали бы Англия и Америка, после чего для большевиков создана была бы подлинная блокада, без официального ее провозглашения. А это, ускорив экономическое банкротство СССР, приготовит для Советов и политическую смерть.

Терпя неудачи и теряя надежды в Европе, большевики обратились к Азии, начав переговоры с японскими банками и с японским правительством о кредитах в размере 200 миллионов иен сроком на 6 лет. Предварительное совместное обсуждение вопроса не дало желательных для большевиков результатов. Советы настаивают на кредитах чисто торговых и исключают из обсуждения вопросы политические, желая сохранить для себя в Китае свободу действий. Японцам мало улыбаются чисто торговые отношения; предпосылкой для переговоров они считают урегулирование вопроса о Манчжурии и Монголии, что равносильно устранению советского влияния на севере Китая, наставлению японцы и на широких концессиях на советском побережье Тихого океана. Такая противоречивая постановка вопроса о кредитах вряд ли обещает какие-либо успехи большевикам. Возможность успеха осложняется еще и тем, что сама Япония в последнее время переживает экономически трудное время, и едва-ли в состоянии была-бы сейчас заняться кредитованием иных стран даже в небольшом размере.

Таковы печальные кредитные надежды властителей Кремля в Европе и в Азии. А время идет, хлеба население не дает, вывозить нечего, валюта истощается, петля затягивается. Пришлось далее запретить ввоз червонца в пределы СССР, — собственную монетную единицу изгнать из ее-же отечества. А кредитов нет, как нет, — осторожен стал свет.

Свой.

Парламентские выборы в Польше.

В прошлое воскресенье, 4 марта, в Польше происходили выборы в Сейм — польский парламент.

Польские выборы был первыми в ряду предстоящих вскоре парламентских выборов в Европе: французских, немецких, а может быть и английских. К выборам этим проявляется повышенное внимание не только в тех странах, где они происходят или будут происходить, но и далеко за их пределами, т. к. тот или иной исход их несомненно наложит сильный отпечаток на европейскую

политику ближайших нескольких лет. Если к этому прибавить, что в Европе слишком много еще „нерешенных“ вопросов и притом больших, то отсюда и станет понятным тот всеобщий напряженный интерес к выборам, какой везде к ним наблюдается.

Окончательные результаты выборов в Польше к моменту, когда пишутся эти строки, еще неизвестны, но общие контуры их уже достаточно ясны. Выборы принесли большой успех блоку, поставившему себе задачей поддержку нынешнего польского правительства, во главе которого стоит маршал Пилсудский.

Блок этот составил по очень широкому фронту: от шляхтичей-консерваторов до рабочих.

Исход выборов означает: для маршала Пилсудского — что страна одобрила политику и доверяет ему вести ее и в будущем; для Польши самой — выборы принесли внутреннее умиротворение и успешное мирное развитие в дальнейшем; а для внешнего мира — мир и дальнейший шаг к стабилизации международных отношений.

Казачья эмиграция.

Союз Кубанцев в Ч. С. Р.

25-го февраля в Праге состоялось общее собрание Союза Кубанцев.

Организация эта сравнительно молодая, но мысль о ней возникла среди кубанской студенческой молодежи уже давно.

О целях и причинах возникновения Союза мы узнаем из меморандума, представленного организаторами его в министерство иностр. дел Ч. С. Р., содержание которого сводится к следующему:

Кубанцы, не бывшие тесно связанными с руководителями различных кубанских группировок, давно уже ощущали потребность в создании такой организации, где могли бы быть объединены все течения общественной мысли кубанской эмиграции. Все попытки найти какой-нибудь компромисс, или создать из существующего О-ва Кубанцев организацию, в которой было бы возможным мирное сожитие различных группировок, кончались неуспехом.

Кубанские политические и общественные деятели никак не могли сговориться между собою и совместно работать в духе желаний кубанской молодежи.

Старшие политики проявляли нетерпимость к мнениям иных, не дававших возможности более молодому поколению развить свои интеллектуальные силы на общественном поприще.

В результате произошел большой откол кубанцев разных группировок не могших перенести атмосферы О-ва Кубанцев, созданной его фактическими руководителями.

Инициаторы основания Союза Кубанцев, в лице представителей трех кубанских течений общественной мысли среди кубанского студенчества: самостийной, украинской и русской, постановили 30-го июля 1927 г. учредить Союз Кубанцев для объединения граждан Края на основе — культурно просветительной и помощной работы.

Союз предполагал объединить возможно больший круг кубанской эмигрантской общественности и устранить главную причину раз'единения кубанских сил — антагонизм между главными течениями кубанской общественной мысли — самостийной, украинской и русской.

С этой целью в органах Союза должны быть равно представленными все эти три группировки.

Главной задачей Союза является устройство Кубанцев на работу и Союз стремится войти в контакт с аналогичными кубанскими организациями в других государствах для создания центрального органа, который и занимался бы вопросами материальной помощи устройства Кубанцев.

Организаторы исходили из той мысли, что при добром желании всегда можно найти общие точки со-

прикосновения, на которых была бы возможной совместная общекубанская работа.

Они считались с фактом наличия на Кубани разных течений мысли и, вместо борьбы между собою, приняли принцип взаимного сотрудничества, находя, что жизнь внесет свои коррективы в соответствии с эволюцией общественно-политического и исторического процесса кубанского бытия.

В упомянутом выше меморандуме было указано что русская группировка при всех условиях полагает необходимым устройство кубанской жизни на автономных началах; украинцы высказывали предположение, что исторический процесс в будущем неминуемо приведет к слиянию с Украиной, но в настоящее время Кубань не подготовлена для этого слияния; самостийники говорили, что Кубань не может быть присоединена ни к России, ни к Украине.

В общем все три течения сошлись на необходимости восстановления Кубанской независимости, причем одни рассматривают ее как переходное состояние до объединения в Российской республике, другие — в Украинской и третьи смотрели на самостийность, как на самоцель. В таком согласии и был подписан всеми организаторами первый меморандум.

Организаторам пришлось выдержать значительную борьбу пока устав союза, осенью 1927 г. был утвержден правительством ЧСР., и 5 ноября того же года они могли закончить свою организационную работу.

В этот день были избраны органы Союза и в правление его вошли: от украинцев — М. Ф. Башмак, А. Ф. Куринный и кандидатом — В. С. Заец, от русских — М. В. Нестеренко, г. Поспеев и Фенев, от самостийников Виктор В. Омельченко, В. А. Донецкий и г. Бигдай.

По уставу Союз является организацией взаимопомощи кубанцев, проживающих на территории Ч. С. Р. Для этой цели Союз, являясь юридическим лицом, может организовывать артели и товарищества, мастерские, общежития, столовые, потребительские общества, библиотеки, курсы, лекции; издавать книги, журналы, организовывать культурные развлечения; помогать своим членам к поступлению в школы и учебные заведения; хлопотать им стипендии, поддержки; приобретать движимое и недвижимое имущество.

Членами Союза могут быть все Кубанцы, достигшие 18-тилетнего возраста.

Центр Союза и его органы: правление и ревизионная комиссия находятся в Праге.

В дальнейшем перед Правлением стояла задача по изысканию материальных средств.

По постановлению общего собрания, Правление представило в Мин. иностр. дел второй меморандум, в котором просило о материальной поддержке Союза.

В планы Союза входило и изыскание средств от Лиги Наций и тех государств, которые являются заинтересованными в деле оседания кубанцев на земле.

Всего этого можно достичь только при условии создания такого центрального органа, который объединял бы по возможности все кубанские организации, разбросанные по разным странам.

Союз имел в этом отношении согласие В. Атамана, и некоторых кубанских организаций в С-Х-С и Франции. Развить своими силами подобную деятельность Союз Кубанцев в ЧСР. не в состоянии, поэтому он предполагает в текущем году созвать съезд представителей кубанских организаций Западной Европы с целью создания центрально-кубанского органа.

Таковыми представляются цели и деятельность Союза на основании документов: меморандумов, декларации и устава.

На общем собрании 25-го сего февраля была утверждена смета в пределах полученных ассигнований от Ч-С. Правительства.

В материальном отношении Союз был поставлен в одинаковые условия с О-вом Кубанцев — средства были разделены поровну.

Наличие доброй воли к сотрудничеству со старшими общественными и политическими деятелями выразилось в постановлении Общего Собрания о приглашении в почетные члены Союза всех членов Куб. Рады, находящихся в ЧСР.

На Собрании 25-го февраля было принято около 20 новых членов, так что общее число членов Союза, доходит ныне до 70 душ.

С. Ф.

В Обществе Кубанцев.

26-го февраля в г. Праге состоялось очередное годовичное собрание Общества Кубанцев в ЧСР.

Открыл его приветственной речью неизменный председатель О-ва проф. Ф. А. Щербина. Как историк и социолог, он обращал внимание членов на большие сдвиги, происходящие сейчас в международной политике в отношении Востока Европы, вызываемые политическими и экономическими вопросами. Главнейшим из них является вопрос национальный, охвативший весь земной шар, разрешение которого должно следовать по линии осуществления общечеловеческих идеалов, отступить от которых теперь невозможно при всех обстоятельствах.

Убежденный что его образ мыслей не расходится с мышлением членов О-ва, Ф. А. Щербина рекомендует заняться работой как в своей семье (кубанской), так и Отечестве-Кубани, преследуя именно достижение осуществления упомянутых идеалов.

Далее были приняты в О-во десять новых членов.

Достаточное оживление происходило в прениях по вопросу об исключении из О-а тех лиц, которые одновременно состоят и в Союзе Кубанцев — организации, которая трактовалась, как враждебная О-ву.

В конце концов, было вынесено решение недопускающее одновременного состояния членов в О-ве и Союзе, как организации враждебной.

В коротком докладе член правления П. Л. Макаренко очертил деятельность О-ва за прошлый год.

Отпускаясь О-ву в 1926 г. кредиты, в размере 15.800 кр. в месяц, были уменьшены в 1927 г. до 9.400 кр., причем в эту сумму входило и содержание члена правления, двух стипендиатов г. г. Хатгогу и Плохого и „охранителя“ Войсковых регалий в С-Х-С ген. Кокунько.

Скудные средства сильно ограничили деятельность О-ва в 1927 г.; социальная помощь была взята из его ведения, культурная работа упала до минимума, а работа трех научных секций была приостановлена совсем. Все расходы на помощь при подыскании работ выразились в 1547 кр. в год, остальные в 1459 кр. На культурные же цели было израсходовано 8783 кр.

Все же, несмотря на большие трудности, О-во исплопотало визы и определило в Украинскую Господарскую Академию в Подебрадах несколько кубанцев из С-Х-С и из Болгарии и оказывало им поддержку.

Было отмечено участие О-ва в Всеславянской выставке пчеловодства в Праге, за что получен почетный диплом от Министерства Земледелия и участие в выставке прессы при Варшавском Университете.

Дело с изданиями О-ва обстояло неутешительно. Выпуск информации „Про Кубань“ был прекращен, а издавать взамен его журнал, как о том несколько лет подряд настаивали общие собрания членов О-ва, было признано нецелесообразным.

Правление, исходя из того, что О-во является организацией неполитической, постановило журнал О-ва не издавать, т. к. в нем нельзя обойтись без обсуждения тем политического характера. Взамен этого правление поручило издавать журнал „Наш Край“ четырем лицам, предоставив им самим изыскивать средства, т. к. издания О-ва не самоокупались.

Следует отметить, что после издания № 1-го „Нашего Края“ из редакции его вышел г. Хотгогу, не согласившийся с политической программой журнала, шедшей в разрез ранее установленному соглашению.

Тем не менее правление нашло возможным выступить политически с докладом о политике РСФСР на Кубани, сделав соответственные заявления о готовности вступить в публичный диспут с представителями советской власти в Праге.

Общий баланс О-ва за 1927 г. составлял 139.802 кроны, при активном сальдо в 1726 крон; из них 121.800 кр. было получено от Минист. Иностр. Дел ЧСР.

При обсуждении плана деятельности О-ва на 1928 год, наиболее прений велось по смете О-ва.

Новое ассигнование предусматривало только 4000 крон в месяц, не считая 2500 крон — личных степеней двум членам О-ва.

Из 4000 кр. предназначалось: 1230 кр. на помещение, 900 на персонал, 600 на помощь, 370 на культурную работу и т. д.

Далее было приступлено к выборам новых органов.

Состав правления был расширен на 9 членов, вместо 6-ти бывших ранее; новое дополнение было представлено молодому студенчеству.

В результате выборов, к старому правлению в составе г. г. Ф. А. Щербины, Л. Быча, П. Макаренко, В. Гонтаря, М. Хатгогу и Плохого были присоединены студенты: Евг. Кокунько, М. Черныш и Штанько.

С.

О казаках-джигитах.

В небольшое чисто сербское село Орловат (Банат, до войны это село было под властью Венгрии и слышало о подвигах и смелости казачьей в мировую войну), где казаки донцы нашли себе сейчас убежище, вчера, 18 февраля, прибыла группа кубанских джигитов сотника Сиволобова. Они были первыми в этом селе. Приехали в 9 часов утра.

Каждый из нас, казаков донцов, не верил сначала в успех джигитов, потому что был день субботний, а к тому же еще дул холодный северный ветер.

Но джигит подхорунжий Бойев уверял нас, а также и жителей, что джигитовка должна состояться, потому что завтра, 19-го февраля, они должны быть в другом, соседнем селе.

Спустя 15-20 минут кони были выпряжены из повозок, оседланы казачьими седлами, которые вынесены еще с полей Вольной Кубани. С криком и гиком, выехали казаки джигиты из двора, в котором они остановились. Слова подхорунжего Бойева сбылись. Прошло минут 30 и все село поголовно было взволновано приездом казаков-джигитов, про которых они раньше слышали, и видели по соседним селам джигитовку казаков других групп. Джигиты разбрасывали рекламные бумажки, изредка проделывали упражнения на улице. Местное сельское управление отпустило лошадям бесплатное сено, которого здесь достать было трудно.

Через два часа жители группами потянулись к месту джигитовки.

Джигитовка была объявлена в два часа. Сбравшись группами, жители делились словами, — каждый

заверял, что нет лучших наездников в мире, чем казаки, другие говорили, что это не люди, а д'яволы, и т. п. Разговоров было много, много.

В один час пополудни был вынесен стол, на котором предполагалась продажа билетов, слышались голоса „евого козаци“. Стол сейчас же был окружен покупателями, каждый старался быть первым. Продавец билетов не мог справиться сам, помогать ему принялся казак донец местной станицы, и их двое не успевали отрывать билетов. Зрители прибывали все новые и новые и новые. Учителя привели строем своих школьников, дабы и эти малыши могли посмотреть и запечатлеть в голове воспоминание о казаках.

На помощь, за наблюдением порядка, была выставлена местная полиция с комиссаром Стеваном Васильевым. По рассказу г. Бойева он еще не видел более точных и распорядительных лиц.

Джигитовка началась в половине третьего, а у кассы был еще навал желавших купить билеты. На месте джигитовки было сплошное одушевление, — каждый старался быть передним, сдвигали шеренгу и мешали джигитовке. Вмешивалась полиция и джигитовка продолжалась, несмотря на сильный ветер. Джигиты закончили танцами „лезгинки“ и „наурской“ в 5 часов вечера. Джигитовка была закончена, но публика не расходилась.

Вечером в одной местной кафане был бал, на который прибыла духовая музыка, и под звуки ее казаки джигиты показали себя во всю. Зрители лезли один на другого, чтобы посмотреть казачьи танцы.

Бал был закончен в 5 часов утра, джигиты выехали в другое село Ботош, слышно что и там успех был таков же, как и у нас.

Пожелаем этим лихим казакам и в будущем успеха и удачи, которой они вполне заслуживают.

Георгий Алферов.

Казачий хор в Турчанском Св. Мартыне.

Странно и очень радостно слышать отовсюду разговоры в чужой земле о казаках.

Я хочу передать то, что слышал и что видел в Турчанском Св. Мартыне, куда приезжал Донской казачий хор имени Платова под управлением Н. Ф. Кострюкова.

Публика к приезду казаков относилась как то недоверчиво. Недоверчивость эта была вызвана тем, что неоднократно под маркой донских казаков приезжали разные русские бродячие труппы в составе 5—10 человек и, что называется, колпачили публику и тем самым компрометировали донских казаков.

В последнее время, в связи с успехом донских хоров Жарова и Кострюкова, особенно много развилось таких „казачьих трупп“ — всевозможные хоры балабачников „донских казаков“, и просто хоров, которые не имеют ничего общего с казаками.

Эти мнимые казаки, обманывая, губят казачье имя и борьба с этим необходима всегда и везде.

Тем отраднее нам, в провинции, было видеть хор имени Платова, который рассеял предубеждение против казаков, созданное посторонними казакам лицами. Мы вздохнули легко и свободно и смело могли глядеть всем в глаза!

Пришел час.

Из вагона высыпала дружно группа молодых людей, направляясь к выходу в город. Публика, находившаяся на вокзале, с недоумением смотрела на этих людей, пока не услышала речи и не всмотрелась в разнообразные заграничные наклейки на чемоданах. К вечеру весь город знал о приезде донских казаков.

Концерт состоялся в зале новой „Соколовни“. Было такое множество публики, что местные горожане давно уже не помнят такого стечения народа — яблоку, что называется, негде было упасть.

Звонок. Подымается занавес. Тишина.

Публика вквалилась очами в сцену. Один за другим четко и мерно идут казаки. Публика при виде хористов выходит из напряженного ожидания и щедро награждает гостей рукоплесканиями. Вышли. Стоят, как по ко-

манде „смирно“ в ожидании своего командира — регента. Он идет. Стал — и начинается пение, такое, которого мы, провинциалы, давно не слышали и, по всей вероятности, не скоро услышим.

Эти часы были для нас отдыхом и наслаждением, для донцов — новая блестящая победа!

Первая песня, которую исполнил хор, была „Дон“ — слова А. С. Пушкина, музыка Направника. Чувствуется, как при исполнении этой песни, казаки приветствуют свой родимый Дон, везут ему со всех сторон поклон и наказывают, чтобы он не забыл своих сынов и приготовил для них „сок кипучий, искрометный виноградников своих“.

Эти слова заставили очень многих вздохнуть и уронить слезу — послать вместе с певцами привет своим углокам.

Как незамысловаты с виду и как красочны простые казачьи песни! В них непрерывно слышится беспредельная любовь к степям, к Тихому Дону и к своим верным друзьям-коням. Слушаешь песни и невольно встает перед глазами фигура казака-богатыря на своем коне, оставляющего под плач старушки-матери родительский дом, идущего на завоевание далеких неведомых стран, или летящего вихрем на своем степняке в погоню за врагом.

Хотелось слушать эти песни без конца, но... программа кончилась. Заключительный аккорд — лихой казачек — победивший всех и вся, и казаки покинули сцену.

После концерта весь хор был приглашен на банкет, устроенный местными жителями в честь наших дорогих гостей. На банкете была подчеркнута благодарность хору нашими братьями-словаками за ознакомление с казачьей песней.

Кончая писать, я от чистого сердца хочу пожелать хору счастья и здоровья на широком и светлом пути. Дай вам Бог всего хорошего!

Гришин.

Казачий Концерт-Бал в Праге.

2-го марта во всех залах Смиховского Народного Дома в Праге Общеказачьей Студенческой Станицей был дан традиционный Концерт-Бал, устраиваемый ею ежегодно. Как и раньше, на концерт пришло все, кому близко казачество. Пришла вся казачья Пражская колония. Массово посетили вечер близкие и друзья казачества. Были украинцы, горцы, великороссы, поляки, а особенно заметно было, как и всегда, теплое и отзывчивое участие братьев чехов. С большим вниманием удовлетворялись нужды студентов казаков по устройству концерта со стороны финансовой и административно-формальной. Дамы чешки приняли живое участие в хозяйственной стороне дела и дали несколько прекрасных номеров в концертной программе.

Концертная программа, как всегда на казачьих вечерах, была шаблонная, по трафарету, но все же никогда не надоедающая, всегда близкая, понятная.

Были поставлены три картинки из казачьей жизни:

1. Калмыцкая из времен Чингис-Хана;
2. Донская „Проводы казака на службу“;
3. Кавказская картинка — обыденная.

В каждой картине были даны характерные казачьи народные песни и танцы, правда, на этот раз станичники не щегольнули хорошим хором и безконечным числом танцоров, как это было раньше. Из исполнителей отметим А. Афанасьева, создавшего хороший образ казачьего старика и m-mø Л. А. Сидорину.

Сольных номеров на этот раз было больше, чем следует, но их разнообразие давало интерес и захватывало внимание публики. Мило выступали чешки sI. Hrušakova и sI. Prochazkova. Характерно было выступление г. Рышковой. Шумный успех и горячие овации вызвали образцово исполненные в смысле отделки, утонченного ритмического чутья и пластической красоты новые американские танцы сестер Derby Sisters. Как всегда, хорош был станичник В. А. Левицкий „не стареющий, но присно юнеющий“, на этот раз выступавший с супругой и давший несколько сочных дуэтов

и несколько прекрасных сольных номеров. Самое же интересное выступление было станичника Тетеревятникова, давшего исключительно казацки сольные номера. Исполнил с большим успехом романс „Казак“, балладу „Ермак“ и красивую, многими слышанную в первый раз, арию Степана Разина, из оперы того же названия донского композитора Траиллина.

От чистаго сердца приветствуем шаг юного казацкого певца в его начинании — петь свои казацки народные мотивы, такие близкие и родные казацкой душе.

В добрый час, станичник Тетеревятников!.. Воскресай казацкую песню, твори ее, проповедуй, ибо для казака песня — все. С песней казак родился и живет, с песней умирает. В песне звучит вся его душа. Песня — его молитва. Твори же великое казацкое народное дело, и казацкий народ воскрешенную тобою и тебе подобными казацкую песню будет петь всюду. Будут петь дети-казачата на школьной скамье, будут петь воины казаки, умирая на гранях казацкого государства, будут ее петь и наши чудные девушки — казацки тогда, когда девичье сердце будет биться в сладкой любовной тоске и тогда, когда снова „будут плести сильную тетику из своих прекрасных волос“, как лучший подарок своему желанному, суженому в грозную годину Родного Края.

Приветствуем новый порыв в среде казацкого студенчества. Слава казацкой песне!

Концертная программа затянулась до полуночи, после которой для молодежи начались танцы, а для стариков казацкая беседа.

В зале молодежь вместе с современными танцами откалывала казацка и лезгинку, а за рюмкой водки старики вспоминали родные степи и привольное казацкое житье-бытье.

И. В.

Казацкий-Калмыцкий вечер на Цаган.

В день буддийского праздника Цаган казаками калмыками был устроен вечер в здании „Соколовни“ в Страшницах.

Праздничное оживление... Радужная встреча гостей... Спектакль.

Могучей силой степей, седею мудростью старины веет от неподвижно застывших фигур... Чингис-Хан и его сподвижники... Старинные костюмы, калмыцкая речь придают картине подлинный характер и переносят зрителей в далеко минувшие дни. И не верится, что на сцене находятся казаки-калмыки ученики Страшницкой гимназии, только что бывшие в общей зале между зрителей!

На сцене не видишь ни Дживзинова, ни Уланова — на сцене отдыхающий во время охоты Чингис-Хан и его славные сподвижники — Го-Мукали, Бургули, Месядин-Джебя...

... „Ты, — бездонный бурливый океан мой!

Ты, — безмерной силы царственный орел мой!

Ты, — способный ублажать девять избранных желаний смертных, живое воплощение бесценного камня „Зидимя“!

И в уверенной кажущейся неподвижности, в застывших движениях чувствуется мощь царственного орла, затаенная сила бурливого океана — мощная в спокойствии сила степей...

Второе отделение вечера состоит из ряда номеров: декламация стихов, сокола, струнный оркестр...

Во всем видна проработка и подготовленность, подобраны силы — и невольно чувствуется, что эти молодые артисты, учащаяся казацкая-калмыцкая молодежь, вносят ценный вклад в казацкий национальный театр.

И. К.

Хор донских казаков С. Жарова.

24 февраля с. г. в зале „Люцерна“ выступил с концертом хор донских казаков под управлением С. Жарова.

Переполнившая зал публика устроила хору горячий прием, отметив дружными аплодисментами его появление на эстраду.

Первое отделение было отдано церковным песнопениям, два других — народным песням. В песнях С. Жарову счастливо удается сохранить требуемую предельную простоту выражения, лирическую свежесть чувства и при этом избежать всякого нарочитого упрощения. Слушатель получил ряд совершенно незабываемых художественных впечатлений. От каждой исполненной вещи веет таким обаянием глубочайшей музыкальности и продуманного технического совершенства, что только словами похвалы можно отозваться о пении. Глубже всего исполнительский талант проявился именно в сфере казацких песен. Здесь со всей художественностью способов выражения раскрывается мир народных чувствований. Перед нами не бесстрастная запись фонографа, а живой, темпераментный звуковой пересказ народных чувствований. К сожалению, необходимо отметить малое количество (2) казацких песен, исполненных хором, на которые хору следует обратить серьезное внимание, что подчеркивает и немецкая критика*), рекомендуемая петь побольше казацки песни отличающиеся своею оригинальностью. Кроме того публике нужно знакомить с собственными казацкими песнями, а потом уже и с чужими. Уходя с концерта, многие крайне сожалели, что очень и очень мало услышали казацких песен от казацкого хора С. Жарова. А как много простора для хора в области казацкой песни! Нельзя не отрицать, что в концерте не было мелких дефектов, — они, конечно, были. Но они потонули в праздничном подеме, охватившем слушателя, восторженно аплодировавшего казакам и казацкой песне...

В. Г.

Неудачливые объединители.

„Считая одной из своих главных задач — обслуживание культурно-общественных нужд казацкой эмиграции и создание условий для ее объединения на этой почве, — правление ОСХС в ЧСР постановило устраивать ряд систематических докладов“ и т. д. — гласила пригласительная повестка правления на первый из таких докладов на 25 с. февраля.

Горн. инж. В. Т. Васильев избрал темой своего доклада „Положение на Дону, Кубани и Тереке“, обратив главное внимание на общую политику советской власти в отношении казачества и ее экономическую политику на Сев. Кавказе.

Докладчик предложил вниманию слушателей обширный и разнообразный материал, обильно насыщенный статистическими данными и отдельными красочными картинками советской политики.

Удушье казачества политически и использование Сев. Кавказа экономически в интересах красной Москвы хорошо были обрисованы в докладе.

Докладчик прилично высек самого себя, а заодно и передовика из „Пути Казачества“, за все антисемитские рассуждения в этом журнале: четко нарисованная горным инженером картина разорения сев.-кавказской колонии своей — в данное время советской — метрополией сама навязывала слушателям выводы. В. Т. Васильев был бы совсем объективен, если бы эти выводы расширил: то же будет и при всякой иной русской власти, если казачество захочет покончить самоубийством и останется под башмаком у Москвы.

Жаль, что докладчик не собрал аудитории: восемь членов правления и служащих союза и только пять слушателей „со стороны“ свидетельствуют, что „создание условий для объединения казацкой эмиграции“ правлению ОСХС просто не под силу.

*) „Reichspost“, „Neu Freie Presse“, „Wiener Zeitung“.

Небольшая фактическая поправка.

В последнем 24-25 номере „Пути Казачества“, в небольшой заметке под заглавием: „Вильные“ казаки в Белграде“ (коверканье здесь, очевидно, должно принимать, как „иронию“) сообщается, что

„27 января с. г. в Белграде, по инициативе казачьих демократических кругов, состоялся доклад Е. А. Букановского на тему о казачьей самостоятельности в связи с выходом журнала „Вольное Казачество“ в Праге. На докладе присутствовали представители и неказачьих демократических организаций. Были и белградские „вильные“ казаки во главе с студентом П. Поляковым... Общее отношение к позиции „Вольного Казачества“ отрицательное. Большое недоумение у присутствовавших на собрании вызвало выступление полковника Соломахины — нынешнего начальника штаба Кубанского Атамана генерала Науменко... выражавшего сочувствие новому течению“.

Лицо, заслуживающее абсолютного доверия, бывшее на собрании и по своему положению вообще имеющее возможность знать подлинное настроение казачества, вот что пишет нам по поводу этого собрания:

„Казачество было 5-6, остальные — российские эмигранты, не казаки;... докладчик на программу особенно не нападал, а обрушился на отдельные статьи журнала, стихотворения и т. п.; большинство публики его в этом поддерживало; этими нападками и ограничились, прибавили к этому несколько личных выпадов и разошлись“.

— Таким образом, собрание было не казачье. А из присутствовавших казаков по крайней мере половина (для начала процент хороший!) были сторонники „В. К.“

Что же касается „отрицательного“ отношения к „В. К.“ русской эмиграции, то оно для нас не новость, к этому мы привыкли и это нас нисколько не волнует. Когда вообще это отношение было „положительным“?

Ть же лицо сообщает нам гораздо более приятные вещи, что касается подлинного отношения к „В. К.“ белградской казачьей массы:

... „Отношение ее иное. Программа „В. К.“ — ориентация „на свои Края“, „а там видно будет, что нужно делать“ — встретила в казачестве отклик и сочувствие; казаки говорят: „правильно“... „давно пора это

сказать“... „так и нужно“... „пусть там они в центре что хотят, то и делают“... „чего мы будем навязываться“... и т. д.

— Это отношение к „В. К.“ казаков нам важнее и дороже, чем все „отрицательное“ отношение русской эмиграции.

От редакци.

На заявление „Пути Казачества“ в номере 24—25 под заглавием „от редакции“, считаем нужным сказать, что отказывается или не отказывается „П. К.“ от полемики с нами, — это его дело. Читатели хорошо знают, что никакой полемики мы с „П. К.“ не начинали, если не считать того, что уже самый факт выхода нашего в свет есть большая и серьезная полемика. „Полемику“ начал „П. К.“, мы же принуждены были только отвечать. Так будем и в будущем. Что касается „тона“, — то тон задает тот, кто начинает. Как на нас „П. К.“ будет нападать, так мы ему будем и отвечать.

О вылазке товарища Керенского.

А. Ф. Керенский уже неоднократно делал выпады весьма сомнительного свойства против „Вольного Казачества“ на страницах своей газеты „Дни“.

На этот раз („Дни“ № 1348 от 4 с. марта) вылазка носит совершенно провокационный характер.

Бывший главоверх, прославившийся подобного рода выступлениями еще со времени Атамана Каледина, стяжавший ими себе стопроцентную непопулярность у казачества, остался верен себе: безграмотную стряпню, к которой ген. Быкадоров не имел никакого отношения (см. № 6 „Вольного Казачества“), он с дешево-сенсационными заголовками предлагает своим читателям за чистую монету.

Неужели А. Ф. Керенский, имея за собой весь „свой“ 1917 год, не постиг еще простой истины: поспешность нужна только при ловле блох.

На Украине.

Слухи и известия.

За последнее время с Украины приходят все более и более тревожные известия. В европейской прессе, приблизительно месяц тому назад, промелькнули было скудные сообщения о волнениях, происшедших в некоторых частях, расположенных в Одессе и Николаеве, а также и на судах Черноморского флота. Большевики, конечно, начисто опровергают их. Теперь, по частным сообщениям, стало известно, что волнения эти действительно имели место и что произошли они на почве продовольственного кризиса. Крестьяне на Украине решительнее, чем в какой-либо иной части С. С. С. Р., отказываются поставлять хлеб, и большие города терпят сейчас сильную продовольственную нужду. Нужда эта докатилась до красной армии и флота, вызвала в них возмущение.

В Одессе и Николаеве, в сухопутных войсках и на военных кораблях, солдатские беспорядки, принявшие значительные размеры, были сурово подавлены присланными извне войсками и закончились многочисленными арестами как солдат, так и командного состава. Однако, от массового применения расстрелов большевистские власти воздержались, опасаясь, что подобного рода меры могут вызвать новые беспорядки. Продовольственная нужда с особенной силой отразилась на рабочем классе; разочарованные рабочие, в качестве обороны, прибегают к забастовкам, которые начинают

приобретать характер политических движений. Крестьяне страдают от недостатка хлеба; наоборот, они заготавливают хлебные запасы на будущее, скрывая от большевиков зерно по старинному способу, вырывая для этого специальные ямы в земле или используя для этого ямы старые, еще дедовские, позабытые. Власти, в ответ на это, „в ударном порядке“ открыли эру нового хлебного террора. Крестьян арестуют, сажают в тюрьмы, облагают непосильными штрафами. Население на террор отвечает террором, и не проходит почти ни одного дня без того, чтобы не исчез без вести и навсегда из села или местечка тот или иной агент советской власти. Но хуже всего для большевистских оккупантов на Украине то, что местным сепаратизмом, патриотическим воодушевлением и симпатиями к украинскому борющемуся населению заражаются и сами местные коммунисты, люди иногда даже не украинского происхождения, а лишь долго на Украине проживающие. Это яственно выразилось в том, что во время длительных празднеств десятилетия советской власти, на многих официальных торжествах украинские коммунисты, соединившись с так называемыми безпартийными, организовано выступали с речами, в которых открыто говорили о необходимости для Украины решительно порвать с Москвою и выйти из С. С. С. Р., воспользовавшись для этого соответствующим параграфом общесоюзной советской конституции, который позволяет каждой союзной республике отделиться от Союза и сделаться независимым государством. Такие самостоятельные

манифестации не прошли, конечно, даром для их организаторов. Из Киева и Харькова сообщают о многочисленных арестах и высылках за границы Украины. Но самый факт сильно встревожил советские верхи. Как уверенно передают, сам Сталин решил стать на борьбу с украинским сепаратизмом. „Всех этих Скръпников, Петровских, Чубарей (наркомы Украины), — будто бы сказал он, — необходимо выгнать, а на их место поставить людей из Москвы или известных мне кавказцев. Дело украинизации не должно приостанов-

иться, — без этого все население Украины встало бы против нас. Но вести украинизацию и управлять Украиной надо из Москвы. Я сам на себя возьму эту обязанность. Справился с оппозицией, справлюсь и с Украиной“.

Поживем — увидим. Пока, однако, все названные Сталиными люди продолжают занимать свои прежние места, а сам Сталин как бы собирается отойти на покой.

— ов.

В Казачьих Землях.

На хлебозаготовительном фронте.

Рассматривая сведения о хлебозаготовках за 15 дней февраля, необходимо отметить, что за период с 1-5 февраля темп хлебозаготовок снизился почти вдвое в сравнении с последней пятидневкой января.

Такой темп отнюдь не мог обеспечить выполнение февральского плана заготовок. Советы всемерно старались и стараются предупредить всякую возможность более или менее серьезного влияния распутицы на ход заготовок.

Распутица же не за горами. Крайисполком, учитывая все недочеты кампании, вынес категорическое решение, закончить выполнение февральского плана к 20/II. Решение это должно быть во чтобы то ни стало проведено в жизнь.

Вторая пятидневка дала снижение на 561.000 пудов по сравнению с первой. Резко снизились заготовки в Кубанском округе, здесь заготовлено 359 т. пуд. вместо 562 т. пуд.

Третья пятидневка февраля в сравнении с предыдущими пятидневками снова дала снижение.

На Дону заготовки упали с 300 т. пуд. второй пятидневки до 226 т. пуд. (в третью пятидневку), Терский округ заготовил 276 т. пуд. вместо 334 т. пуд. второй пятидневки, Донецкий — 120 т. пуд. вместо 194 т. пуд., Таганрогский — 43 т. пуд. вместо 81 т. пуд. и т. д.

Что нового в февральской работе хлебозаготовок?

Как в январе, так и в феврале, в работе кооперации нет оживления.

Она так и не смогла привлечь свою кооперативную общественность к работе хлебозаготовок, не повела за собой населения.

Неуспех проведения хлебозаготовительной кампании заключается, по заявлению советских газет, в недостаточной раскачке организацией своего актива, что также отмечает и начальн. краевого торго Гроссман и отчет заседания Хлебного Союза (Молот 1958).

„Многие советские работники проникнуты демобилизационными настроениями, ссылаются на усталость от работы.“

Исходя из того, что первая, вторая и третья пятидневки февраля показали одна за другой снижение темпа против последних январских пятидневок, большевики бьют тревогу о невыполнении февральского плана в хлебозаготовительной кампании.

(„Молот“ — 1956, 1959, 1964, 1966, 1967.)

В четвертую пятидневку февраля темп заготовок хлеба еще снизился, в крае заготовлено хлеба на 236 т. пуд. меньше, чем в третью пятидневку.

Особенно резко упали заготовки в Кубанском и Донском округах.

(„Молот“ — 1971, 1972.)

Нынешняя хлебозаготовительная кампания дает богатейший материал для оценки роли различных социальных слоев села и станицы, отношения этих слоев

к проводимым Советской властью и коммунистической партией мероприятиям. И нужно отметить, что роль и поведение кулака представляется для большевиков в весьма непривлекательном виде.

Сообщения с места свидетельствуют о том, что кулак не желает добровольно выполнять требования большевиков, не желает продавать излишки хлеба, придерживает его в своих закромах и амбарах. Кулак делает недвусмысленные попытки срывать все начинания Советской власти. „В тех же преступных целях, — пишут советские газеты, — он распространяет самые нелепые измышления, пытается дискредитировать мероприятия Советской власти. Сообщения с мест говорят также о том, что во многих случаях кулак додержал свое зерно до того, что оно начало гнить.“

Можно-ли рассматривать это, как простое недомыслие? Ни в коей мере.

Такое поведение необходимо рассматривать, как сознательную попытку сорвать хлебозаготовительный план, сорвать нашу политику цен, как попытку влиять на экономическую политику страны. Но этого мы зрелому кулаку никогда не позволим. Тем, кто еще упорствует, кто продолжает гнить хлеб затем только, чтобы не продать его государству, кто распространяет клеветнические измышления по поводу проводимых Советской властью мероприятий, тем нужно напомнить основательно о существовании 107-й статьи в Уголовном Кодексе РСФСР *).

Никогда советская власть не церемонилась с теми, кто становится на нашем пути...

За последнее время, в связи с хлебозаготовками, кулацкая часть, спекулянты, частные торгаши, перекупщики хлеба изо всех сил пытались и пытаются дезорганизовать хлебную кампанию, проводимую Советской властью“.

Делалось это путем скупки хлеба по повышенным ценам, укрывательством хлеба, закапыванием последнего в ямы или развозкой по бедняцким амбарам; все это имело и имеет цель ослабить экономическую политику большевиков.

Председатель Краев. Суда Петров заявил: „Мы ставим кулака и спекулянта, пытающихся создать угрозу Советской власти и помешать хозяйственным мероприятиям, проводимым Госуд. органами — отказать от этой мысли и в этом помогали и помогают нам наши законы“.

(„Молот“ 1971, 1972.)

*) 107 ст. Уголовного Кодекса.

Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок — карается лишением свободы на срок до 1 года с конфискацией имущества или без таковой.

За те же действия, при установлении наличия сговора торговцев — лишение свободы до трех лет с конфискацией всего имущества.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа,

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Бельгийское Конго. — Инж. Ш. — Письмо получено. Точный адрес найдете в журнале. Ваш знакомый по Софии установит с Вами связь. По нашим сведениям, где-то в Конго находится донец инж. С. (окончил в Льеже).

Болгария. — Б. — С Вашими мыслями о работе согласны. Очень рады, что „журнал читают с упоением не только казаки „самостийники“ и „неделимцы“, но и ярые „великороссы — неделимцы“... Донской группе надо устроить тесное единение с группами кубанской и украинской.

Болгария. — Вид. окр. — К-в. — Открытое письмо В. И. С-ну получено. Редакция им воспользуется. Привет Вашей группе.

Болгария. — София. — По затронутым Вами вопросам поместим статьи в журнале.

Китай. — Харбин. — К. — Приносим благодарность за пространную информацию. Надеемся и в дальнейшем поддерживать с Вами связь.

Польша. — Львов. — Атаману станицы Вольного Казачества. — Весьма признательны Вам за Ваше любезное послание. Шлем братский привет всем вольным казакам станицы и выражение соболезнования по поводу болезни Р.

Польша. — Беловеж. — Л. — Большое Вам спасибо за Ваше содержательное сообщение. Наш казачий поклон группам в Б. и Г. По всем затронутым Вами вопросам Вы получите ответ.

Польша. — Коломия. — Д-р К. Т. — Вітаємо. Бажання Ваше виконане.

Румыния. — Клуж. — Ес. Е. — Благодарим за корреспонденцию. Подробности установим письмом.

Франция. — Париж — М. А. — Благодарим за Ваше доброе пожелание. Выражаем надежду на Ваше с нами тесное сотрудничество. Информационный материал, Вас интересующий, вышлем.

Франция. — Шалет. — Атаману хутора „Кубанец“. — За Вашу поддержку Вам и хуторянам наше казачье спасибо! Просим писать о хуторских жизни и думках.

Франция. — Канны. — М. В. — Ваше теплое письмо с описанием жизни казачества получено. Рады, что журнал читается с интересом.

Югославия. — Ягодина. — Подх. А. Ф. Г. — Рады, что журнал читается „с великой жадностью“. Присланным материалом при возможности воспользуемся.

Югославия. — Скопле. — К. — Интересующая Вас организация поставлена в известность и установит с Вами связь.

Югославия. — Смедерево. — Т. — Хорошо, что идея, исповедуемая журналом, встречает в Вашей группе интерес и находит отклик.

Чехия. — Братислава. — К. — Спасибо Вам за Ваше хорошее письмо и добрые нам пожелания. Вы правы, о непристойных выпадах г. Харламова против „Вольного Казачества“ на лекции у Вас, нам известно. Наш привет Вам и Вашим друзьям.

Книги, присланные в редакцию.

- В. Крюков. — Родной Край. — Париж. — 1928.
Ной Жорданиа. — Наши разногласия. — Париж. — 1928.
Д-р В. Н. Штейн. — Земледельческая школа на службе земледельца. — Прага. — Изд. „Хутора“. — 1927.
В. Н. Кутше. — Учение о типах лесных насаждений. — Прага. — Изд. „Хутора“. — 1927.
Инж.-агр. В. Медведев. — Настольная книга по молочному хозяйству. — Прага. — II-е издание „Хутора“. —
Д-р. Дмитро Донцов. — Політика принципіальна і опортуністична. — Львів. — 1928.
Он же. — Похід Карла XII на Україну. — Львів. — 1927.
Он же. — Націоналізм. — Львів.
Петро Стефуранчин. — Пожовкле квіття. — Позезії. — Відень. — 1928.
Prof. D. Dorogochenko. — Die Ukraine und ihre Geschichte im Lichte der westeuropäischen Literatur des XVIII. und der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts. — Berlin.
Ахмед Цалыккаты. — Борьба за волю гор Кавказа. — Прага. — 1928.
М. Ф. Шанба. — Русский империализм и независимость горцев. — Прага. — 1928.
Оппозиция — русские фашисты. — Еврейство. — Сатанизм. — Шанхай. — 1927.
П. Ковган. — Записки неуча. — Т. т. I и II. — Харбин. — 1927.

Розыски.

Лиц, знающих о местожительстве или судьбе ген. Л.-Гв. Ат. полка АЛЕКСЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА РУБАШКИНА, а также СТЕПАНА КОНДРАШЕВА и ИВАНА ЗЕМЛЯНУХИНА — станицы Верхне-Курмоярской, прошу сообщить по адресу: S. Kotelnikov, русский барак, Bratislava. Č. S. R.

Лиц, знающих о местожительстве или судьбе полковника 18 Георгиевского Донского Казачьего полка Н. Ханжонкова (уроженец ст. Новониколаевской), а также полковника Ив. Козлова просят сообщить по адресу:

К. Николаеву. Русская гимназия, Шумен, Bulgaria.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs, 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-руско-украинский книжный магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1
Tchécoslovaquie.

Всякаго рода типографскія работы
выполняются дешево и аккуратно
на всех славянских языках.